

A black and white photograph of a man in profile, looking towards the left. He is wearing a light-colored, multi-pocketed jacket with dark panels on the shoulders and sleeves, and dark pants with knee pads. He stands on a grassy hill overlooking a dense forest of evergreen trees. In the distance, there are rolling hills or mountains under a sky filled with large, dramatic clouds. The overall mood is contemplative and expansive.

Майя Новик

КОСМОКРАТОР

фантастический роман

Майя Новик
Космократор.
Фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37942535

ISBN 9785449344960

Аннотация

Российская Федерация продолжает вести тяжелые бои с Халифатом. Спецназовец Алексей Карабанов после госпиталя отправляется в глухую тайгу Восточной Сибири. Там, среди гор и лесов находится рудник «Новый» – надежда Федерации на победу в войне. Сержанту Карабанову и его верному другу Бато Аюшееву предстоит выяснить, почему на руднике пропадают люди, что за твари поселились в тайге и что за странный объект находится в глубине горы.

Содержание

Глава первая	5
Хангарок	5
Глава вторая	81
Зона	81
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Космократор

Фантастический роман

Майя Новик

© Майя Новик, 2018

ISBN 978-5-4493-4496-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Майя Новик

Космократор

Ангарск. 2013 год

Глава первая

Хангарок

....Они подошли к водопаду, когда стало смеркаться. Река Малый Хангарок, по заснеженному льду которой они поднимались уже несколько часов, была в этом месте зажата между двух высоких скал. Водопад на картах не значился и стал неприятным сюрпризом. Высота сброса воды была небольшой, всего метров десять – двенадцать. Сейчас, в самом начале марта, его покрывал толстый ледяной панцирь, и перед спецназовцами оказалась практически гладкая стена, преодолеть которую без снаряжения было невозможно.

– Учись, Бато, пока я живой, – сказал Алексей Карабанов другу, неторопливыми движениями снял рюкзак, поставил его в снег, под ноги, вытащил из бокового кармана складные ледорубы, разложил, зубами стянул перчатку, затянул непослушными от холода пальцами винты на рукоятках. Вытащил кошки.

– И кто говорил, что не понадобится? – продолжал Алексей. – Видишь: все пригодилось...

Его друг и сослуживец по спецотряду «Байкал» бурят Бато Аюшеев тоже скинул рюкзак в снег и сразу же сел сверху – передохнуть.

Друзья были похожи друг на друга: оба невысокие, коренастые, широкоплечие, с небольшими руками и ногами. И лица у обоих скуластые. Только у Бато глаза были узкими и черными, а у Алексея – круглыми и серыми. У обоих друзей щетина росла только на подбородке и на верхней губе. У Бато она была редкая и черная, а у Алексея – погуще и посветлее.

....Алексей на мгновение обернулся назад – на долину реки. Солнце уже почти скрылось за скалой, поднимался ветер. Он посвистывал в скалах и гнал по льду Хангарока снежную пыль. Справа и слева стояли сумрачные горы.

Восточные Саяны. Если ночью будет метель, а она, судя по всему, будет, то завтра может ударить мороз. Старые раны болеть просто так не будут – к непогоде. Значит, надо торопиться! Тут и в марте запросто может ударить минус тридцать пять – ничего веселого. А ведь они не в многодневный поход собирались, а на вертолетную «прогулку». Туда и обратно! Думали уложиться в час, ну в два, это если бы Толмачева пришлось искать.

«Эх, где тот вертолет?.. Хорошо хоть снарягу с собой взяли!»

О минус тридцати пяти сейчас лучше и не думать!

Алексей надел кошки, подошел к ледяной стене, сдвинул штурмовую винтовку от правого бедра назад, чтобы не мешала, поудобнее взялся за рукояти ледорубов и полез наверх.

Подъем занял не больше минуты. Наверху Алексей в последний раз вонзил клюв ледоруба в лед, высвободил изо льда второй, подтянулся, чтобы перевалиться через край, и замер, буквально окаменев от неожиданности!

В полуметре от Карабанова на гладком льду реки лежал и смотрел на него черными, немигающими глазами «бес»! В медленно сгущающихся зимних сумерках Алексей хорошо успел рассмотреть гладкую, красную, словно обгоревшая кожа, морду и неподвижные, черные, как у акулы, неживые глаза.

Мгновение человек и тварь смотрели друг на друга. Один – ясно осознавая собственную беспомощность, а вторая – с пугающим, холодным любопытством. Тварь несколько раз мигнула. Алексей увидел, как двигаются расположенные вертикально веки.

«Бес» раскрыл пасть, усыпанную мелкими, острыми зубами и зашипел. В следующий миг сразу под обеими кошками Алексея обрушился лед, и он рухнул вниз, ударившись о наледь, и повис на правом ледорубе. Снизу невнятно вскрикнул Бато.

Алексей опомнился, заработал ногами, вбивая кошки в лед, потом всадил в него второй ледоруб, освободил правую руку из петли и подтянулся наверх, одновременно вскидывая штурмовую винтовку...

Но наверху уже никого не было! Только снег, ветер и узкое ущелье Малого Хангарока, уходящего на юг все выше и вы-

ше к основному хребту Восточного Саяна. И сумерки. И тишина. Алексей не слышал ни хруста снега, ни звука шагов, ни шелеста крыльев. Ничего. Словно померещилось.

Он почувствовал, как верхнюю губу заливает горячим. Кровь. Разбил нос.

– Ерунда!..

Спецназовец перевалился через край, быстро откатился в сторону, вскочил на ноги, осмотрелся, вскинув «Нортон» на уровень глаз.

На скалах никого не было, впереди справа виднелся огромный каменный завал, но там тоже не наблюдалось движения. Вдалеке, примерно в пятидесяти метрах выше по ущелью находился небольшой островок, покрытый редколесьем. Отсюда он просматривался насквозь.

Алексей опустил стекло шлема с встроенным прибором ночного видения и тепловизором. Пощелкал переключателем режимов, но это не принесло результатов.

«Беса» не было. Как сквозь землю провалился!

Карабанов поднял стекло, зачерпнул горсть снега, умылся, пожевал ледяного крошева. Нестерпимо хотелось пить. Даже больше, чем есть, хотя живот подвело от голода. Так ведь сколько сегодня отмахали! И без обеда, а сейчас уже темнеет...

Алексей внимательно осмотрел следы на льду, припорошенном тонким снегом. Да, вот тут тварь лежала, потом вскочила и метнулась прочь. Виднелись огромные отпечат-

ки трехпалых лап, похожие на следы фантастического двуногого динозавра из старых фильмов. А потом следы обрывались, словно «бес» исчез, растворился, сгинул...

Взлетел? Но крыльев у этих тварей Алексей до сих пор не видел. Не было у них крыльев! И все равно они исчезали очень быстро и непонятно куда. Чертовщина, да и только! А может, хитрая маскировка? Но тогда почему дальше нет следов?

...Карабанов вернулся к обрыву, отстегнул и сбросил кошки вниз, рядом с Аюшеевым. Достал из кармана тонкую веревку и тоже бросил вниз конец. Через пять минут наверху уже стояли два рюкзака, а Бато, которому Алексей помог подняться, молча сворачивал веревку. Сложив, он засунул ее в карман рюкзака и, перехватив вперед точно такой же, как у Алексея, штатный «Нортон», подошел.

Алексей не спускал глаз с ближайшей скалы, задрав голову, рассматривал нависающие камни. Ему показалось, что там, наверху кто-то есть, или в самом деле желтоватые сухие кустики полыни, торчащие из-под снега на самом краю, шевельнулись?

– «Черти»? – спросил Бато, рассматривая уже изрядно затоптанные Алексеем следы.

– Ага, один, – ответил Алексей, все еще поглядывая наверх. – Чуть нос мне не откусил, сучок. Это что получается, Бато? Следят они за нами?

– Следят, – Бато кивнул, озабоченно посмотрел вокруг. – Ох, не нравится мне все это! Уходить надо. Шас стемнеет! Ночевать лучше в зимовье, – он вернулся к рюкзакам, закинул за спину свой, подождал, пока Алексей проделает то же самое. – Что там Киштеев говорил? «Старая избушка сгорела, а новая стоит на другом берегу». Значит, нам по правому берегу. Айда?

– Айда...

И они пошли дальше. Алексей еще несколько раз обернулся на черные скалы, стараясь что-нибудь разглядеть, но в лицо хлестнуло снежным крошевом, ветром забило легкие, и он, задохнувшись, так и не сумел ничего рассмотреть.

Начиналась метель...

Он повернулся и зашагал вслед за Бато.

Вскоре ущелье Малого Хангарока стало шире, берега – положе. Справа то и дело на лед выходили гигантские каменные осыпи – курумы, слева по берегу стеной стояла тайга. Стали попадаться небольшие, поросшие густым лесом островки, а потом друзья вышли на свежий, ровный лед. По-видимому, здесь из-под земли били родники, вода то и дело выходила на поверхность и замерзала. Спецназовцев спасали шипы на подошвах армейских ботинок, хотя и они иногда скользили. Идти приходилось медленно.

Алексей не терял бдительности, то и дело зорко осматривал окрестности, оборачивался назад, но не замечал ничего подозрительного.

Через час они без труда нашли то, что осталось от кем-то сожженной новой избушки. Зимовье сгорело недавно, несмотря на мороз и снег, заметающий головешки, здесь все еще пахло горелым.

– Че делать будем? – спросил Бато, поглядывая на Алексея.

Ветер усиливался, поджимал мороз. Алексей сдернул с руки перчатку, вытащил из-за пазухи коммуникатор, отошел к ближайшей сосне, привалился к ней, стараясь закрыть коммуникатор от ветра и снега, включил его и воткнул в гнездо штекер гарнитуры, встроенной в каску. Засветившийся экран тут же показал температуру воздуха – минус двадцать пять, и сообщил, что аккумулятора хватит на восемнадцать часов работы.

«Надо было подзарядить батарею! Кто же знал!»

– Минус двадцать пять! – крикнул Алексей Бато.

Тот не ответил.

Алексей поднял голову и увидел, что Бато осматривает склон сопки сквозь ночной прицел. Визором Бато почти не пользовался. Он опустил «Нортон», вплотную подошел к Алексею, наклонился, чтобы было лучше слышно.

– Леха, слышь? А может, это все-таки инопланетяне? Уж больно умные твари!

– Инопланетяне... – пробормотал Алексей, устанавливая соединение с управлением на руднике «Новый» через спутник. – Мало нам китайцев, зэка и шахов, у нас еще инопла-

нетяне объявились! С людьми бы разобраться...

...Откуда-то издалека ветер донес протяжный вой. Бато опустил поднятый меховой воротник куртки, прислушался. Вой повторился. Далекий тоскливый звук едва пробивался сквозь шум ветра.

– Волки, – констатировал Бато.

– Далеко, – ответил Алексей. – С наветренной стороны. Не учуют.

– Не больше километра, – возразил Бато, прислушиваясь, но на этот раз он ничего не услышал, кроме ветра.

На экране коммуникатора наконец-то показалось лицо дежурного связиста – молодого светловолосого очкарика.

– Майора дай! – потребовал Карабанов, не дожидаясь, когда связист сообразит, кто перед ним. Тот, впрочем, сразу же врубился в ситуацию и исчез с экрана. Не прошло и несколько секунд, как на экране возникло лицо заслуженного работника всех штабов и тылов майора Болтаева. Глядя на испитое лицо штабиста, Алексей в который раз испытал странное чувство нереальности происходящего. Они оба должны были сейчас быть на фронте, бить «шахов» – сторонников всемогущего халифата, который свергли всего девять месяцев назад, и который отнюдь не собирался сдаваться. Бои шли под Астраханью и в северном Казахстане. А вместо этого они здесь, в Сибири, в глухой тайге мало кому известной Тофо-

лариин¹ ловят то ли мутантов, то ли пришельцев, то ли злых духов. Такое задание и в страшном сне не привидится!

– Карабанов? Как вы там? – голос у майора был под стать его внешнему виду – срывающийся на взвизг дискант. Алексей едва удержался от того, чтобы не поморщиться. Встроенная камера коммуникатора даже сейчас, в темноте, давала вполне сносную картинку, а майор не выносил пренебрежения к своей персоне.

– Товарищ майор, докладываю: у нас все нормально, – сдержанно ответил он. – Продвигаемся по реке Малый Хангарок, сейчас встанем на ночевку. До озера осталось километров десять. Завтра до обеда будем на месте, – Алексей хотел добавить, что если все пойдет по плану, и они найдут там неведомого, но такого нужного майору тофа² Толмачева, то обратно их следует ждать максимум через три дня, но сдержался. Хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Тут и в пятидесяти метрах от жилья гробануться можно. Дело случая.

– Ясно, – кивнул майор. – Если будут новости, немедленно связывайтесь со мной. Понял?

– Так точно, – привычно отозвался Алексей.

– Конец связи, – майор исчез с экрана.

---

¹ Тофолария – местность на северо-западе Иркутской области, принадлежащая тофам

² Тофы, карагасы – коренная народность, населяющая Тофоларию. Карагасы – более старое название народности

Связь прервалась. Надо было думать о ночлеге.

...Палатку поставили на берегу реки за небольшой скалой, надежно укрывшей от ветра. Тщательно закрепили штормовые растяжки, залезли внутрь, при свете фонарей вытащили из рюкзаков и раскинули на полу коврики с подогревом. Алексей достал газовую горелку, привычными движениями привинтил баллон, установил между ковриками. Бато сходил до ближайшего сугроба, набил котелок плотным слежавшимся снегом. После того, как котелок поставили на огонь, Алексей включил коммуникатор, каждый из друзей снял крохотную видеокамеру, закрепленную на касках, по очереди подключил камеру к коммуникатору и скопировал данные на сервер спецотряда «Байкал». Теперь весь день от начала и до конца, от подъема до марш-броска по льдам и снегу горных рек, был доступен их непосредственному начальнику – капитану Вечному.

Алексей с минуту раздумывал, не связаться ли с Вечным по прямой закрытой линии, но решил, что не стоит. Если капитан настолько занят, что у него нет времени просматривать отчеты Алексея, то его и беспокоить не надо. А если капитан в курсе, тогда вообще зачем зря время тратить? Надо будет, сам свяжется.

Друзья достали армейские брикеты с «быстрым» обедом, размяли в руках, чтобы еда разогрелась, вскрыли и дружно заработали челюстями.

– Мяса хочу, терпеть не могу эти бич-пакеты, – невнятно промычал Алексей, пережевывая суховатую массу «со вкусом бекона». – Вот в столовке лосятина была – это да!

Бато усмехнулся.

– А водки?

– И водки! – оживившись, уже гораздо внятнее сказал Алексей.

– Ну лосятины нет! А вот водка, – усмехнулся Бато и достал из рюкзака фляжку, – водка есть!

Алексей с воодушевлением замычал с набитым ртом, стал в темноте искать кружку, нашел, наконец, прожевал, сглотнул.

– Что ж ты молчал-то, елы-шпалы! Откуда?

– Да еще с Большой земли.

Выпили. Бато деликатно кашлянул, откусил от брикета, зажевал. Алексей занюхал водку рукавом, подождал, когда горячее прокатится по пищеводу, снова принялся за еду.

– Хоть смазали! – вздохнул он. – А то эта дрянь на сухую не лезет!

Сквозь завывание и свист метели до них опять долетел волчий вой. Сначала завыл один волк, потом с противоположной стороны реки донесся еле слышный вой другого волка.

Алексей перестал жевать, прислушался. Бато сделал то же самое, оттянув подшлемник от левого уха. Правым он плохо слышал после контузии.

– Чего они развылись? – невольно понизив голос, спросил Алексей.

– Да вроде матерый с маткой переговариваются, – пожал плечами Бато, – ну волк с волчицей. Наверно, стая рядом.

– Большая? – спросил Алексей.

– Я те че, Пушкин? – усмехнулся Бато. – Может, большая, может, маленькая. А может, их двое всего, если прибылые погибли.

– Чего?.. Ты нормальным языком говори, хватит образованность свою показывать! И так знаю, что обскакал ты меня со всех сторон со своим университетом.

– С академией, – с достоинством поправил Бато и объяснил другу:

– Прибылые – это щенки до года.

– Ясненько...

В котелке закипела вода. Бато достал из недр рюкзака небольшой полотняный мешочек и щедрой рукой насыпал в кипяток травяной сбор. Через минуту по палатке распространился густой запах байкальских трав. Чай пили молча, смакуя. Тишина нарушалась только швырканием, сопением друзей и завыванием ветра снаружи. Когда котелок опустел, пить все еще хотелось. Алексей вопросительно глянул на Бато:

– Может, еще чайку?

– А может, утром? – ответил Бато.

Алексей покладисто кивнул.

– Ладушки!

Он взял «Нортон», расстегнул полог и, подцепив одним пальцем котелок за дужку, вылез из палатки. В лицо сразу же ударил ветер. Алексей поднялся на ноги, осмотрелся. С одной стороны палатки уже намело небольшой сугроб.

Следом за ним из палатки выбрался Бато. Алексей выплеснул из котелка остатки травяного чая вместе с заваркой, поставил котелок под тент, сам отошел в сторонку справить нужду, вернулся в палатку, прежде чем втянуть внутрь ноги, тщательно очистил снег с ботинок.

Следом вернулся Бато.

– Я там поставил пару растяжек с сигнальными ракетами, – тихо сообщил он. – Так что, если приспичит, вокруг не копыти, а то нарвешься.

– Не, ну мне как приспичит, я тебя позову. Ага, – съязвил Алексей. – Вдвоем пойдем, как девки.

– Да лучше, как девки, чем... – Аюшеев замолчал.

Стали устраиваться на ночлег.

– Я дежурю первый, – сказал Алексей.

Бато кивнул и полез в спальник.

– Ты бы хоть броник снял, – заметил Алексей, увидев, что друг собирается отдыхать в полном обмундировании.

– Ты че, сержант, травы напился? – строго спросил его Бато.

– Да хрен в нем как следует выпишься! То руки затекают, то голова, того и гляди, отвалится.

Бато сокрушенно покачал головой.

– Можно на спине спать. На спине ниче так. Терпимо.

– Ну спи, – Алексей поджал ноги, поудобнее устроился на коврикe, ощущая, как термоэлементы начинают греть, вытащил и снова включил коммуникатор. Можно было проверить почту, оставить сообщение для Риты и узнать, что происходит в мире.

Через четыре часа он растолкал Бато.

– Твоя очередь!

Алексей с облегчением стащил с себя бронезилет, положил под голову, снова надел куртку, проверил, чтобы все было под рукой. Снятые ботинки лежали внизу, в спальнике, каска, винтовка – рядом. Алексей натянул капюшон спальника на голову, затянул вязочки и – как всегда, быстро – провалился в сон...

...Проснулся он от звука шагов у палатки. Проснулся быстро, словно и не спал вовсе.

Ветер стих. Светало. Сквозь туго натянутый тент пробивался слабый свет. Первая связная мысль была:

«Бесы!»

Рядом похрапывал Бато.

«Разиня!..»

Стараясь двигаться бесшумно, Алексей высвободил из спальника руку, нащупал и потянул за вязочки капюшона. Собачка молнии еле слышно поехала вниз, и сразу же

внутри нагретого спальника проник холодный воздух. Алексей нащупал ледяной «Нортон», аккуратно спустил вниз флажок предохранителя, держа выход палатки под прицелом, несколько раз двинул локтем спящего Бато, потом рванул вниз молнию на пологе палатки и вывалился наружу.

Прямо напротив входа стоял и смотрел на него огромный матерый волк! Мгновение животное и человек глядели друг другу в глаза, и взгляд янтарных глаз хищника был внимательным, почти человеческим. На фоне рассветного леса Алексей успел хорошо рассмотреть крупную тяжелую голову, черный, чуткий нос, широкую грудь и толстые, мощные лапы. В следующий миг Алексей опомнился, вскинул штурмовую винтовку, и волк сразу же метнулся к близкому лесу. Алексей ждал, что он напорется на растяжку, но волк беспрепятственно добежал до деревьев.

Алексей проводил его в прицел «Нортон», стрелять не стал. Уж слишком красив был неожиданный гость. Да и лишний раз привлекать к себе внимание не хотелось.

У леса волка уже ждали. Еще несколько серых теней отделилось от ближайших кустов, и теперь они все вместе помчались прочь от палатки. Несмотря на утихшую метель, снега на берегу Хангарока было по-прежнему мало, и бег волков был легким и бесшумным. Алексей подождал, пока звери исчезнут в лесу, опустил винтовку и полной грудью вдохнул морозный, чистый воздух. Из-за гор всходило солнце.

...В следующий момент он услышал шорох сзади, но обернуться не успел: его сбили на землю, лицом в тонкий слой свежего снега, и в плечо рядом с шеей вонзились чьи-то горячие клыки. «Нортон» отлетел в сторону. Пахло гнилью. Алексей попробовал перекатиться на спину, но его с такой силой прижали к земле, что об этом не могло быть и речи. Зубы впивались все глубже. Перед глазами Алексея оказалось несколько сухих желтых хвоинок, шею заливало теплым. Рука автоматически дернулась к бедру, где был нож, и в этот момент над ним раздались выстрелы.

Один, два, три, четыре!

Алексей всем телом ощущал, как вздрагивает от выстрелов распластавшийся на нем хищник. «Бес» заверещал на невероятной, почти недоступной для человеческого уха, высокой ноте и прыгнул прочь, к лесу. Бато, припавший у палатки на одно колено, выпустил вслед твари длинную очередь, но в ответ «бес» вдруг растаял в светлеющем утреннем воздухе, словно его и не было! Бато удивленно отрыл рот, и тут хлопнуло – это сработала одна из растяжек. В небо взвилась сигнальная ракета.

Бурят проводил ее взглядом, перевел дух. Алексей, еще не успев прийти в себя, сел, зажимая рукой рану на шее, оглянулся. Главное, он был жив!

Аюшеев подскочил к другу.

– Леха!.. Глубоко цапнул?

Под пальцами было липко.

– Хрен его знает, – машинально ответил Карабанов.

Бато поднял винтовку сержанта, помог подняться.

– Что же это за твари такие? – удивленно спросил Бато в пространство, но ему, естественно, никто не ответил.

В палатке Карабанов стащил с себя куртку, расстегнул китель и замок термобелья. Вернувшийся с короткой разведки Бато внимательно осмотрел при свете фонаря рану, полез за аптечкой.

– Ну что там, глубоко? – нетерпеливо спросил Алексей, который чувствовал, как от раны по шее и спине расходится тупая боль.

– Повезло тебе, сержант, сантиметр до сонной артерии...

– Ты че, медик? – вдруг разозлился Алексей. – Елы-шпалы! Скажи просто – жить буду? Или как Якимов? Сразу к праотцам?

– Будешь! – ответил Бато, но сержант уловил нотку сомнения в его голосе. – Щас водкой промою!

Салфетка, смоченная ледяной водкой, слегка успокоила огонь, который ощущался на месте укуса.

– Прижми, – приказал Бато и дал другу марлевую салфетку. – Че тебя наружу понесло? По нужде, что ли?

– Да нет, – скривился Алексей, послушно прижимая марлю к шее. – Шаги услышал, вылез, а тут волк стоит, – он вкратце рассказал Бато, как все получилось.

Тот удивленно покачал головой.

– Н-да... Где это видано, чтобы волки растяжки обходи-

ли! Мистика! А этот «черт» с камня на тебя спрыгнул, – Бато сооружал на месте укуса подобие нашлепки. – Я там посмотрел вокруг. Это он возле палатки топтался. Ты не видел, это та же тварь, которая вчера была? Или другая?

– А я почему знаю? У меня же на затылке глаз нет! – Алексей хотел пожать плечами, но сдержался из-за боли, зашипел. – Елы-шпалы, да они же все на одно лицо! Сами здоровые, морда красная, башка вытянутая, пасть маленькая. Буркалы черные, носа нет. Дышат, надо полагать, ушами или глазами, или еще чем-нибудь... Задницей, например! Чтоб их... Будь у него пасть побольше, он бы мне башку сразу откусил! Давай уже скорее, холодно!

– Вот! По первому разряду! – Аюшеев прикрепил последнюю полоску лейкопластыря, полюбовался.

Алексей пощупал «компресс», поморщился, хотел встать, но Бато удержал его.

– Не спеши! Щас еще пробоктал вколю! А то мало ли какую заразу он тебе занес! А пробоктал все убьет.

– Лишь бы пробоктал меня не убил! – горько пошутил Карабанов.

Он стоически перенес укол антибиотика, напялил бронжилет, надел куртку, застегнул замок до самого верха, чтобы поскорее согреться.

– Надо бы пожрать чего-нибудь, – сказал он, снова ощутив в желудке голодные спазмы.

– Щас чаю сделаю, – ответил Бато. – Где котелок?

– Ты осторожнее там! – посоветовал Алексей. – Этот су-чок никуда не делся. Тут бродит!

– Ну надо полагать! – ответил Бато, осторожно расстегивая полог.

Алексей взял «Нортон» наперевес, но снаружи никого не оказалось.

....Через полчаса они уплетали армейский завтрак в брикетах. Завтрак оказался лучше, чем ужин: между двумя кусками хлеба было некое подобие котлеты. В палатке остро пахло кофе. Потом они быстро распахали по рюкзакам вещи, сняли, тщательно вытряхнули и скатали заиндевевшую на морозе палатку. Бато снял уцелевшие растяжки.

Через десять минут друзья снова шагали по припорошенному снегом льду Хангарока. Аюшеев шел впереди, Карабанов – следом. Иногда он оборачивался назад и окидывал взглядом неприветливую, молчаливую долину. Солнце неторопливо карабкалось вверх по белесому зимнему небу.

Алексей шел и вспоминал, как они здесь оказались.

....В то раннее утро он проснулся от ослепительно-яркого солнечного света, падающего из окна, и почувствовал зверский приступ голода. Риты рядом не было. Пахло кофе, на кухне скворчало, бубнил телевизор. Алексей, в один момент осознав, что этот день – последний перед отправкой на фронт, что в три часа ночи у него поезд до Омска, вско-

чил, босиком прокрался в коридор, заглянул на кухню. Рита стояла спиной к нему у плиты. Солнце освещало ее фигуру, просвечивало сквозь кружевное белье – то ли накидку, то ли халатик, ни один нормальный мужик, если только он мужик, не в состоянии запомнить всех этих названий!

«Однако!» – мелькнуло у Алексея в голове при одном взгляде на Риту. И это «однако» сейчас выражало восхищение.

Он бесшумно подкрался к Рите, встал за спиной, поцеловал в плечо, с которого сползла бретелька, заглянул через него. На плите скворчал омлет.

– Привет! – Рита улыбнулась, мельком глянув на него. Слух у нее был превосходный, и она, конечно же, услышала и скрип пружинного матраса, и поскрипывание половиц.

– Уг-м, – сглотнул в ответ слюну Алексей.

Свежие яйца он ел в последний раз год назад, еще до восстания. Откуда же Рита их достала? Они же сейчас стоят, как черная икра! А ведь в сковородке, если судить по запаху, еще и сало было! М-м-м! Язык можно проглотить!

– Это мама от деда позавчера привезла! – сказала Рита, заметив вопрос на лице Алексея. – Я же тебе говорила, у меня дед в дачном поселке живет, тут недалеко от Красноярска станция с таким смешным названием – Двоєглазово. Он у нас настоящий «рантье», у него целых пятьдесят соток. Сейчас, правда, сам знаешь, продукты обязывают сдавать краевым властям, но кое-что и нам остается.

Судя по всему, мама Маргариты, которая привезла продукты из неведомого Двоглазова, была волшебницей. Правда, Алексей пока не понял, какой. Кажется, она была совсем не против такого зятя, как Алексей.

Сам он еще не решил, хочет ли расставаться с холостяцкой жизнью. Рано вроде, всего двадцать восемь, можно и погулять еще! Хотя вот с другой стороны: убьют на фронте, и вспомнить будет некому. Ни братьев, ни сестер у Алексея не было. Мать погибла два года назад при неудачном восстании против халифата в Москве, а отец вообще непонятно где находился, Алексей не видел его уже больше года и даже не знал, жив ли он. Если учитывать характер бати, который всегда лез в самое пекло, – то вряд ли...

Так что он один, как месяц в небе!

А ведь если что с ним случится, Маргарита одинокой не останется. Красавица, умница. Хирург, молодая совсем, а оперирует сама. Ну ладно, да, мама – зав. отделением, двигает чадо, но ведь не все, кого двигают, горят желанием работать! А Рита – просто влюблена в хирургию.

В больнице мужиков полно! И врачей, и пациентов. И образованием они получше Алексея, и ростом многие повыше. А она – с ним! Чудеса, да и только!..

В сознание Алексея ворвался голос диктора из стоявшего на кухне телевизора.

– Сегодня был предотвращен теракт на Красноярской ГЭС! Грузовик, на котором террористы пытались прорвать-

ся к электростанции, был расстрелян военными в сотне метров от второго блокпоста, расположенного на подъездных путях. Пока неизвестно, взорвалась ли бомба, которая была в кузове грузовика, от шквального огня или ее привел в действие террорист, но после взрыва от машины почти ничего не осталось. По предварительным данным взрыв бомбы оказался эквивалентен почти пятнадцати килограммам тротила! На месте взрыва образовалась внушительная воронка. Погибло трое военных, еще двое – ранены. Ответственность за взрыв на себя взяла террористическая группировка Базы Отгаева.

– Опять Отгаев, – сказала Рита, – наверняка вояк в ведомственную повезли. Или в городскую в Дивногорске. Сейчас позвоню, узнаю, – она выключила телевизор, взяла телефон, лежавший на краю стола, глянула на дисплей и тут же положила обратно. – Опять сеть не работает. – Рита повернулась к Алексею, мельком заглянула в глаза, улыбнулась. – Подвинься, позвоню по городскому.

Городской телефон стоял в коридоре на трельяже. Алексей посторонился.

– Ясненько! Я в душ!

Стоя под струей еле теплой воды, – «Хорошо, что хоть такая есть!» – Алексей думал о том, чем они будут сегодня заниматься. Кажется, после обеда у них должна быть какая-то встреча с друзьями Риты в литературном кафе у гостиницы «Огни Енисея». Если, конечно, ее не вызовут в больницу.

Рита закончила разговаривать по телефону, чуть приоткрыла дверь в ванную.

– Все нормально, увезли в ведомственную. Так что мы с тобой свободны, как птицы, – она опять прикрыла дверь.

Через десять минут Алексей закончил мыться, бриться и вышел из ванной комнаты. Рита накрывала на стол.

– Знаешь, что я подумал? – сказал Алексей, наблюдая за ее руками. – А может, ну их на фиг, этих твоих литераторов, и кафе их – тоже на фиг! Давай лучше сходим, купим чего-нибудь пожрать и никуда не будем выходить до самой ночи! А? Имеет право уходящий в бой солдат на последнюю ночь любви? Ну, то есть на день?

Рита на мгновение задумалась.

– Имеет, – сказала она. – Только не надо никуда ходить! Еды – море! Даже бутылка вина есть. Я тоже выпью, только совсем чуть-чуть. У меня ночное дежурство, я же тебе говорила.

....Так что сигнал коммуникатора прозвучал весьма и весьма не вовремя. А впрочем, когда он был вовремя? Алексей торопливо натянул штаны, схватил коммуникатор и выскочил из спальни на кухню. Там он пристроил его на столе, раскрыл, прикоснулся к сенсору – «принять вызов». На экране появилось лицо капитана Вечного. Выглядел капитан неважно – то ли похудел, то ли давно не высыпался. На Алексея он смотрел недружелюбно.

– Здорóво Карабанов! Ты в курсе, сержант первого класса, что послезавтра в восемь ноль-ноль ты должен, как штык, быть у меня?

– Так точно, товарищ капитан, – ответил Алексей. – Ночью выезжаю в Омск на поезде. Буду вовремя.

– Отставить! – вдруг скомандовал Вечный. – Сегодня в четырнадцать ноль-ноль ты вместе с Аюшеевым поступаешь в распоряжение штаба Восточносибирского военного округа. Пиши адрес: Красноярск, Ленина, шестьдесят четыре. Кабинет двенадцать. С вещами. Что-то у них там случилось в глухой тайге, у меня попросили пару спецов. Вы с Аюшеевым находитесь ближе всего. Не опаздывай – у них там заброска вертолетами.

– Ни фиги себе! – сказал Алексей, отношения между ним и командиром были таковы, что он мог позволить себе так сделать: ни один пуд соли вместе съели еще во вторую русско-китайскую войну. – А как же мои ребята?

– А твоих ребят я пока отдам Звягинцеву. Пусть потренируется. Вдруг получится. Тогда тебя на повышение двинем. В мастер-сержанты! – Вечный подмигнул и засмеялся.

– Не, лучше сразу в штаб! Штаны просиживать!

– Ну не хочешь в штаб, пойдешь учиться в академию. Мне грамотные бойцы нужны. А это задание... – Вечный устало вздохнул, наверное, он и в самом деле не спал несколько ночей. – Ты же у нас бывалый экстремал? Разряды, горы, сплавы, то, се... Аюшеев, вон, на охотоведа учился. Так что вы

там, в лесу, пригодитесь. Амуницию вам выдадут самую лучшую, я попросил. Если что, со мной связь держи по закрытому каналу. Все понял?

– Так точно.

– Выполнять!

Экран погас.

Только сейчас Алексей понял, что Рита стоит в дверях кухни, закутавшись в одеяло. Но он не обернулся. Он молчал. Все и так было ясно. Рита, не проронив ни слова, вернулась в комнату, стала одеваться. Алексей медленно закрыл коммуникатор, сидел за столом, размышляя о превратностях судьбы. Потом встал и пошел собирать вещи.

....Через два часа они вдвоем с Бато Аюшеевым получили обмундирование на армейском складе на краю города. Тут-то Алексей руганью и уговорами выманил у скупого нач. склада альпинистское снаряжение и все, что нужно для таежной автономии в условиях суровой сибирской зимы. В тот момент казалось, что это и не понадобится вовсе, а вот, поди ж ты, пригодилось! Причем, не только пригодилось, но и выжить помогло.

....Избушку, в которой должен был находиться таинственный тоф Толмачев, друзья увидели спустя два часа. К этому времени горы отступили от Хангарока в стороны, русло реки стало уже. Вдали, окруженное белыми вершинами Восточ-

ного Саяна, виделось заснеженное озеро, из которого брал начало Хангарок. Солнце стояло уже высоко и пригревало через куртку. Алексей радовался, что его прогнозы не оправдались, и погода пока стоит хорошая.

Сержанта больше тревожила рана на шее. Боль не унималась, место укуса горело, словно его прижигали раскаленным клеймом. Было больно поворачивать голову. Но Алексей успокаивал себя тем, что укусы животных всегда бывают болезненными и заживают медленно. Так что надо просто потерпеть, и все должно пройти. О том, что произошло с Якимовым, он старался не думать.

Увидев избушку Толмачева, Алексей хотел пройти напрямую, прямо по льду реки, не скрываясь, но его остановил Бато. Бурят прижал палец к губам, и они, стараясь ступать бесшумно, стали забирать левее, к берегу, где рос густой сосновый лес. Алексей молчал и ни о чем не спрашивал. Раз Бато что-то почувствовал, значит, лишняя осторожность не помешает. Наконец, Бато лег в снег и достал бинокль. Алексей проделал то же самое, но бинокль доставать не стал, доверившись другу.

Снега здесь, на берегу, тоже было мало, местами сквозь плотные, подтаявшие сверху и припорошенные свежим снежком наметы торчала прошлогодняя трава. Откуда-то сверху раздался нетерпеливый крик сойки. Бато шепотом выругался.

– Ну что там? – спросил, наконец, Алексей.

Теперь он почувствовал, что его морозит. Лицо наоборот, горело, словно натертое шершавым снегом.

– Да что, – отозвался Бато. – Гляжу вот, привязь есть, и на-топтано у привязи как следует, а оленей – нет. И бубенчиков не слышно. И почему-то мне кажется, что уздечки оборваны или обрезаны. Дымом не пахнет. Значит, печку сегодня не топили. А между тем, люди здесь должны быть, вон, видишь, лестница к лабазу приставлена, значит, наверняка стрелили кого-то, а мясо спрятали. Почему тогда лестницу оставили? А вон там однако куртка брошена...

– Ну может, ее просто так бросили? – шепотом предположил Алексей.

– Ага! Просто так... А вон там что валяется?

– Где?

Бато передал бинокль Алексею.

– Справа от входа, возле чурки, видишь?

Алексей быстро нашел место, на которое указывал Бато. На земле лежал припорошенный снегом карабин. Стало ясно, что в избушке что-то произошло. Алексей с помощью визора обследовал окрестности, но ничего нового не обнаружил.

– Айда! – Бато снял с предохранителя «Нортон», легко вскочил на ноги и перебежал к толстому кедру, а оттуда – к стене избушки. Алексей последовал за ним. Подбегая к зимовью, он заметил, что слегка припорошенный снегом карабин лежит в красной, заледеневшей луже. Свернули за угол.

У двери следов не было, ветер намел к порогу немного снега.

Бато, по-прежнему прижимаясь к стене, несколько раз стукнул кулаком в дверь.

– Эй, хозяйева, есть кто? – громко крикнул он.

Постояли, прислушиваясь, переглянулись. У Алексея неприятно засосало под ложечкой. Бато кивнул, распахнул дверь, Алексей быстро заглянул внутрь, почти сразу же отпрянул. Глаза привыкли к яркому солнечному свету, и разобратъ что-нибудь в черном нутре избушки было невозможно. Зато появилось стойкое ощущение, что там никого нет. До них не доносилось ни звука, ни шороха...

Спустя несколько секунд Алексей снова, уже более решительно шагнул в избушку, постоял у дверей, привыкая к полутьме, стараясь рассмотреть скудную обстановку зимовья. Внутри, на фоне задней стены отчетливо виднелась темная человеческая фигура. Что-то с этим человеком было не так. Алексей присмотрелся и невольно попятился. Человек был прибит к стене.

.... Через десять минут Алексей сидел на чурбане посреди утоптанной площадки перед зимовьем, зажимал рукой ноющую рану на шее и следил за передвижениями Бато. Подташнивало.

Бато внимательно осмотрел внутренности избушки, тщательно оглядел все вокруг, потом ушел по склону вверх по каким-то следам, вернулся, еще раз осмотрел все вокруг.

Подошел к привязи, где обычно стояли олени, залез на лабаз, озабоченный и хмурый вернулся к избушке, у поленницы взял свежую чурку, выкатил ее поближе к Алексею, поставил на попá, сел, не выпуская «Нортон» из рук.

Алексей смотрел на друга.

– Ну, следопыт, что скажешь? Люди или «бесы»?

На круглом, скуластом лице Бато мелькнуло сомнение.

– Я думаю, «бесы», – после паузы сказал он. – Во-первых, следов не видно. Вообще никаких. Ни люди, ни звери по воздуху не летают. Во-вторых, мужика этого прибили к стене гвоздями, на которые раньше одежду вешали. Гвозди старые, кованые еще, им в обед сто лет. А под лежанкой плотницкий инструмент стоит, там, в банке из-под кофе нормальные гвозди есть. Новые, на сто пятьдесят. Ими лабаз вон ремонтировали недавно. Зачем, спрашивается, выдирать из стены старье, если можно новые взять?

В-третьих, мужик этот жил тут не один. Тут еще баба была и ребенок, мальчик. Лет, наверное, девять-десять. Вещи на месте, а тел нигде нет. Думаю я, что дело было так: мужик этот полез вчера вечером на лабаз, там, кстати, мясо лежит, изюбятина, можно потом будет пожарить, и что-то услышал или увидел. Это что-то испугало оленей, они взбесились, оборвали привязь и убежали. А мужик спустился вниз, думал, че ему бояться, когда ружье есть! Тут-то его и кончили. А куда делись женщина и ребенок, я не знаю...

– Почему ты решил, что все произошло вчера?

– В зимовушке еще тепло. Значит, вчера топили.

– Ну что, придется доложить бравому майору Оболдуеву, что этот Толмачев – того, фьють, лапты склеил? – спросил Алексей.

– Ну доложить-то можно, но только это не Толмачев, – как ни в чем не бывало сказал Бато, – у него там, в одежде, в кармане, старая универсальная карта есть. Это какой-то Ситников. Да и тоф он совсем, русский.

Алексей несколько секунд смотрел на Бато.

– Ты что, издеваешься? Ты сразу сказать не мог, что это не Толмачев? Фото сравнивал? Смотрел?

– Смотрел, – невозмутимо ответил бурят. – Не Толмачев.

– Елы-шпалы! – огорчился Алексей. – Я думал, мы домой сейчас пойдем! Ну и где нам теперь искать этого Толмачева?

– Не знаю, – невозмутимо ответил Бато, зорко поглядывая по сторонам. Потом он присмотрелся к Карабанову. – Ты, сержант, че-то плохо выглядишь. Заболел?

Алексей вздохнул.

– А если заболел, ты, Бато, мне вертушку санитарную вызовешь? С Красноярска! Мол, давайте, люди добрые, эвакуируйте товарища сержанта, его инопланетяне покусали? Неа, не пойдет, гордо отказываюсь, экономлю деньги федерации, – Карабанов посмотрел на часы, достал коммуникатор, снова установил соединение с управлением.

На этот раз майора пришлось ждать долго. Алексей коротко рассказал, в чем дело.

– Тут два вопроса, – закончил он рассказ, – что нам делать здесь, на месте, и где искать Толмачева. В общем, ждем инструкций.

На экране было видно, как майор усиленно морщит лоб, стараясь заставить работать мозги, пропитанные алкоголем. Карабанов даже вздохнул. Ему приходилось терпеть разное начальство, но майор внутренних войск был уникалом. За всю свою сорокапятилетнюю жизнь он так ни разу и не был на передовой. Сюда, в Тофоларию, его отправили просто потому, что ехать было больше некому. Все более менее боеспособные офицеры были нужны на фронте. В тылу оставались только калеки и такие, как Болтаев. Нет, еще были боеспособные офицеры, возглавлявшие части, предназначенные для охраны военных и промышленных объектов вроде Красноярской ГЭС или Саяно-Шушенской, но снимать их с места даже ради обеспечения порядка на руднике «Новом» никто не станет. Рудник, конечно, тоже важен, поэтому сюда и отправили целую роту новобранцев. Но все-таки наверху, видимо, посчитали, что ничего уж слишком опасного здесь быть не может. Роту прислали, скорее, для обеспечения порядка среди заключенных, работающих на руднике, чем для решения проблемы. Хотя тут такие зэка на руднике работали, что куда до них диверсантам! Сплошь смертники.

Наконец, Алексею надоело ждать, и он пришел на помощь майору.

– Нам, товарищ майор, ждать кого-нибудь или самим все задокументировать?

Лоб майора разгладился.

– Да, конечно, Карабанов, – с облегчением приказал он, – составьте акт, сделайте там все на ваше усмотрение, а я пока... Вон Нефедов пока узнает у местных, где еще можно Толмачева найти. Как понял?

– Вас понял, составим акт, все отснимем.

– Конец связи, – сказал майор и исчез с экрана.

Алексей закрыл коммуникатор, поднял голову и только сейчас понял, что лоб покрылся испариной. Кажется, в самом деле заболел. Он сдвинул каску на затылок, вытер пот. «Справимся!»

Потом встал: надо было все отснять и запротоколировать так, чтобы эксперты, когда им захочется выяснить, что здесь произошло, могли бы с легкостью все понять. Они с Бато, конечно, не креминалисты, но подобное уже приходилось проделывать во время резни в Харабали, когда шахи вырезали все мирное население, так что такая работа им, увы, не в новинку!

Алексей подключил коммуникатор к видеокамере. Прокашлялся, пошел вокруг зимовья.

– Итак, сегодня третье марта две тысячи тридцать второго года. Я, сержант первого класса Карабанов, и рядовой Аюшев, находясь на истоке реки Малый Хангарок, нашли избушку, а в избушке – тело мужчины. Координаты места...

...Сигнал вызова от майора пришел тогда, когда они уже все закончили и снова сидели на чурках, отдыхая. Алексей возился с коммуникатором. Закутанное в не очень чистое постельное белье и в полиэтиленовые мешки для мусора тело русского мужика Ситникова Георгия Степановича было поднято на лабаз, а избушка закрыта и опечатана самодельной пломбой из веревочки и смолы.

– Потом местные приедут, похоронят, как следует, – вздохнул Алексей, то и дело взглядывая на зловеще торчавший из лабаза полиэтилен. Огнестрельных ран на теле они не обнаружили, было только несколько небольших укусов на руках, которые, по идее, не должны были привести к смерти. Зато увидели, что сосуды на глазах умершего полопались, и от этого раскрытые глаза покойника были похожи на глаза жуткого зомби. Даже зрачков почти не было видно.

– У этих, на «Новом», глаза точно такие же, – сказал Бато.

– Такие же! – подтвердил Карабанов.

– Значит, все-таки «бесы»...

– Значит, да... – глубокомысленно изрек Алексей, отправляя майору и на сервер спецотряда файлы один за одним.

– Почему же, Леха, он тебя утром у палатки не убил сразу?

– Ага, а ты вроде огорчился? – язвительно спросил Алексей, потом вопросительно глянул на друга – не шутит ли тот?

Бато не шутил, смотрел серьезно.

Алексей пожал плечами:

– Не знаю, некогда мне было его расспрашивать. Нет, ну если бы ты не начал палить по бедному инопланетянину, даже не поинтересовавшись целью его визита, то я, конечно, все у него выведал бы, все секреты и планы, ага! Помешал ты мне, брат!

Бурят покачал головой и хотел было ответить что-то, безусловно, такое же едкое, но тут запищал коммуникатор, на экране снова появилось лицо майора. Болтаев выглядел более уверенным, чем два часа назад.

– Карабанов, местные говорят, что тоф Толмачев может находиться на озере Васильева, это правый приток Малого Хангарока, хребет Шойтнаг. Вы промахнулись на семь километров, возвращайтесь и найдите этого Толмачева! – в голосе Болтаева вдруг прозвучали умоляющие нотки, и Алексей понял, что на руднике творится что-то уже совсем нехорошее.

– Сделаем! – твердо сказал он.

Если бы дело касалось одного майора Болтаева, то Алексей, будь на то его воля, ломанулся бы отсюда очень быстро. Но дело, увы, было не только в майоре. Дело было в роте необстрелянных новобранцев, которых с каждым днем становилось все меньше.

– Выполняйте, – сказал майор вдруг сорвавшимся голосом и отключился.

– А дела-то на руднике швах... – протянул Карабанов.

– Тихо! – Бато поднял палец вверх, призывая к тишине, –

слышишь?

Алексей прислушался, но ничего не услышал.

– Бубенчик! Олень где-то ходит! – бурят сорвался с чурбана и побежал вверх по склону сопки.

– Эй! Ты осторожнее там! – крикнул ему вслед Алексей.

Он быстро убрал во внутренний карман куртки коммуникатор, взял в руки штурмовую винтовку, оглянулся. Ему пришла мысль о ловушке, но друг уже скрылся за деревьями, Алексей вскочил на ноги и последовал за другом, внимательно вглядываясь в просветы между деревьев.

Но его помощь не понадобилась. Навстречу уже шел Бато и вел послушно шагающего за ним оленя. До этого Алексей видел северных оленей только в зоопарке и удивился его низкорослости. Один из рогов у оленя был обломан. Второй был большой, покрытый мягким, бархатным ворсом. На спине животного лежал, свесившись на холку, мальчик. Шапки на нем не было, в коротких, светлых волосах застряли льдинки...

– Че тарацишься? – вдруг рассердился Бато. – Давай сьмай свою пломбу, тащи дрова, надо печь топить, человека отогреть надо.

– Да он живой ли? – оторопело спросил Алексей.

– Живой, че не живой? Замерз только сильно.

Через полчаса печка ровно гудела от полыхавших листовенных дров, тепло медленно расходилось по выставшей избушке. В котелке закипала вода для чая. На полатах Ба-

то, раздев мальчишку почти донага, тряпочкой, смоченной в масле, быстро и аккуратно растирал его от ступней и кистей рук к сердцу. Периодически он прикладывал ухо к груди мальчика, слушал, а потом, приговаривая:

– Живой, живой!.. – начинал снова его растирать.

Наконец, Алексей отчетливо увидел, что мальчик дышит. Потом ребенок открыл глаза, но, кажется, не понял, где находится.

– Не бойся, – сказал ему Бато, – мы не причиним тебе вреда, мы, наоборот, помогать пришли. Как тебя зовут?

Мальчик молчал, глядя прямо перед собой.

– Может, это, – неуверенно сказал Карабанов, – водки ему налить? Тридцать граммов?

– Ага, водки! Это же ребенок! Понимать надо! Щас вон, чаем горячим напоим. Сладким, со сгущенкой.

Алексей заварил чаю. Бато замотал мальчишку в свой спальник, стал поить его чаем, подложив под спину куртку, поддерживая голову и осторожно поднеся к его губам кружку.

– Давай, потихоньку пей, осторожно, горячий.

Мальчик вдруг схватил кружку обеими руками и начал пить, обжигаясь.

– Ты, друг Бато, вроде, не семейный? Или я что-то упустил?

– Я-то не семейный, – бурят угадал, куда клонит сержант, – да только у меня четверо младших братьев и сестер

было. Так что знаю, че делать, когда дети болеют. Мне до детского дома приходилось с маленькими возиться.

– А сколько тебе было, когда в детдом попал?

– Четырнадцать. Да я рассказывал тебе уже. А братья и сестренки кто где оказались, кого родня забрала, а кого по другим детдомам раскидало.

– Да, – сказал Алексей, глядя на маленького найденыша, – проблема, елы-шпалы! И с собой не возьмешь, и одного не бросишь.

Мальчишка был светловолосым, кареглазым, с грубоватыми чертами лица. Напившись сладкого чая, он лег и закрыл глаза. На слова друзей он не реагировал.

– Эй, малец, расскажи-ка, что случилось, – негромко окликнул мальчишку Алексей, но мальчик не шевелился, словно и не слышал.

– В общем, давай сделаем так, – решил Алексей. – Ты остаешься здесь, а я сбегая до озера, притащу этого офицерно нужного майору шамана Толмачева, и мы большой и дружной компанией под веселые рулады толмачевского варгана попрем по рекам обратно на рудник! Сначала по Хангароку, потом по Уде. Пацана оставим в Алыгджере, а сами рванем до «Нового». Другие предложения будут?

– Надо держаться вместе, – серьезно сказал Бато. – А то «бесы» нас по одиночке быстро переловят.

– Не переловят, – уверенно заявил Алексей. – Чую – все нормально будет!

– Чует он! – Бато встал с лежанки, подошел к узкому оконцу, выглянул наружу. – Тут этого мало. Они может, тоже чего-нибудь чуют... Может, сидит он сейчас на крыше да нас с тобой «чует». Да и выглядишь ты... Тебя когда в госпиталь везли, и то лучше было.

– А то ты видел, как я выглядел, – огрызнулся Алексей, – сам лежал весь зеленый, когда тебе смотреть-то было?

– А вот видел!

– Спорить с командиром будем или че? Приказ слышал? Тут до притока этого – километров семь всего, и там, в сторону, километров пять, не больше. Если все сложится, как надо, через пять часов я тут уже с Толмачевым буду.

– Какие пять часов? – нахмурился Бато. – Ты чего? Еще три часа и темнеть начнет. Хорошо, если дойдешь до него сегодня. А если он не захочет ехать с тобой?

– Свяжу и притащу! Давай часы сверим. Сколько сейчас? Три тридцать. Нормально. Выход на связь каждые три часа. Как стемнеет, по лесу не шастай. Засветло все делай. Понял?

– Понял... – Бато с огорчением смотрел, как Алексей собирается.

– Если не вернусь завтра и перестану выходить на связь – выводи пацана к людям. Это приказ. Все.

Алексей стал выкладывать из рюкзака вещи, стараясь максимально облегчить его вес, потом стал снимать с себя бронжилет.

– Леха, ты в себе? – спросил наблюдавший за ним Бато.

– В себе, – буркнул в ответ Алексей. – Я же не прошу тебя снять броник? Не прошу! Вот и ты от меня отстань. Тяжелый он по тайге бегать! Я без него до Толмачева бегом добегу. «Бесы» стрелять не умеют. Во всяком случае, пока никто не видел, чтобы у них было оружие. Твари они, может, и умные, но автоматами не пользуются. А бандюков мы пока так и не встретили. Все! Будь! – Алексей закинул изрядно полегчавший рюкзак за спину, взял «Нортон» и толкнул низкую дверь зимовья.

У привязи уныло стоял олень. Покосился на Алексея тревожным глазом, мотнул башкой. Алексей прикрыл дверь, спустился к реке, вышел на лед Малого Хангарока и пошел обратно.

Солнце, ярко светившее еще час назад, спряталось за тучей, надвигающейся с севера, снова похолодало, навстречу потянуло несильным пока еще ветерком, и Алексей понял, что снова собирается непогода. Он поднял воротник, затянул на рукавах хлястики, надел перчатки и прибавил шаг...

В голову опять лезли воспоминания.

...Сразу после того, как они с Бато получили снаряжение, обмундирование и боеприпасы, их привезли на военный аэродром за городом, где они сели в грохочущее, ледяное нутро одного из трех старых вертолетов МИ-58, по-видимому, мобилизованных с гражданской авиации и перекрашенных в камуфляж. Пилот поднял машину в воздух, как

только захлопнулась тяжелая дверь. Следом за ним оторвались от земли остальные вертолеты. Алексей внимательно осмотрел всех, кто был внутри.

Рядом с пилотом сидел майор Болтаев. Алексей уже успел составить мнение о майоре и решил, что ожидать от тыловика осмысленных действий в случае опасности не стоит. Лишь бы не мешал выполнять задание, каким бы оно ни было! Кроме майора в вертолете летел капрал, которому было на вид лет девятнадцать, не больше, наверное, только что окончил курсы, и шестнадцать новобранцев, не нюхавших пороха – это Алексей понял сразу, достаточно было посмотреть на новенькую форму, и на то, с каким почтением бойцы смотрели на майора.

Алексей смотрел на капрала, и в голове крутилось скороговорка, которую он только что придумал: «Армию реформировали, реформировали, да недореформировали». И в самом деле, даже между войнами командование не оставляло надежды реформировать армию по зарубежным образцам. Отсюда и новые звания. «А лучше бы все оставалось по-прежнему!»

Пока летели, Алексей познакомился с соседом справа. Приходилось, правда, по несколько раз переспрашивать из-за грохота двигателя, но Алексей все же выяснил, что парня звали Захар, и что родом он из Хакасии. В глазах Захара читался благоговейный страх перед командиром. Он подтвердил догадку Алексея по поводу того, что никто из бойцов

в боевых действиях не участвовал. Всех мобилизовали месяц назад, и все это время они проходили военную подготовку в лагере для новобранцев в Дивногорске. Захар, нервно сжимая в руках новенький Калашников, то и дело посматривал на сидевшего поодаль капрала, который мрачно хмурил брови и впячивал вперед нижнюю челюсть, чтобы выглядеть мужественнее.

«Да, – подумал Алексей, – кто из нас не мечтал вот так лететь в вертолете в компании до зубов вооруженных боевых друзей на задание непременно государственной важности, – мир спасти, не меньше! – закуривать при этом огромную, толстую сигару, как это делали командос в старых американских боевиках, и отпускать соленые шутки, хохоча при этом громко и многозначительно! Реальность разбивает мечты. Начнем с того, что в вертолете категорически нельзя курить, и заканчивая тем, что в нем сейчас холодно, как в криокамере. В таких вертушках только трупы зимой перевозить хорошо...»

Но тут Алексей заставил себя мысленно прикусить язык, потому что по шее и между лопаток вдруг пробежал холодок. Его можно было объяснить тем, что Алексей стал замерзать, но он знал, что это не так. И в первый раз задумался, куда они летят, и что за странное задание их ждет в глухой тайге. А потом он задремал и очнулся от дремы, только когда вертолет резко пошел вниз. Алексей посмотрел в иллюминатор и увидел заснеженные горы и белые, узкие ленты замерзших

рек, серпантином выющиеся между вершинами.

Вертолет снизился над самой широкой рекой, прошел над ущельем, и внизу, во внезапно распахнувшейся долине, Алексей увидел черные корббки барачков, вышки охранников, несколько накатанных дорог, расходившихся в стороны от застроенной территории, и вертолетную площадку внутри поселка, обнесенного двумя рядами ключей проволоки.

– Веселое местечко! – крикнул он на ухо Бато Аюшееву.

Бато в ответ лишь согласно кивнул.

На вертолетной площадке их встретили начальник колонии, директор рудника и несколько охранников. Начальник колонии и директор рудника представляли собой довольно колоритную пару: начальник был выше среднего роста, коренаст и крепок, с широким, гладковыбритым лицом супермена и жесткими, синими глазами. Он не говорил, он повелевал. Одет он был в белый овчинный полушубок, шапку-ушанку, на ногах были унты из оленьего камуса. Директор рудника был его противоположностью: маленький, худой, смуглый, с узкими, прищуренными глазками, с широким, приплюснутым носом, он все время находился в движении. Сновал туда-сюда между прилетевшими, был оживлен и все время улыбался редкими, желтыми от табака зубами.

– Бурят? – тихо спросил про него Алексей у Бато.

– Нет, – ответил Бато, – местный. Якут, эвенк? Не знаю.

На построении на площадке перед длинным барачком стало понятно, что прилетели они в Тофоларию, и по-видимо-

му, начальник рудника был тофом.

– Рота! – кричал, стоя перед шестидесятью бойцами, майор Болтаев. Пар шел из розового, воспаленного рта. – Задача у нас одна: во что бы то ни стало обеспечить бесперебойную работу рудника! Надо, чтобы наша армия вовремя получала новое вооружение, чтобы наши доблестные бойцы, воюющие за нашу свободу, могли отстоять не только наше с вами будущее, но и будущее наших жен, матерей, братьев и сестер! А для этого необходимо немного: надо, чтобы рудник работал и заключенные выполняли свои непосредственные обязанности! Главная задача, которая стоит перед ротой, – охрана рудника и подавление возможных беспорядков!

– Бла-бла-бла, – тихо сказал Алексей.

Один из новобранцев испуганно обернулся на него.

– А ну смирно! – так же тихо скомандовал ему Алексей, и новобранец, а им оказался не кто иной, как Захар, послушно повернул голову к майору.

– Так-то лучше!

Вперед выступил молоденький капрал.

– Рота! – крикнул он срывающимся голосом. Потом вдруг замолчал, то ли сбившись, то ли забыв то, что нужно было сказать. Но никто из новобранцев не засмеялся, все ждали. – Первый и второй взвод – напра-во! В третий барак шагом марш! – наконец, скомандовал капрал. – Третий взвод нале-во! За мной – шагом марш!

Вышла заминка. Ни первый, ни второй взвод не знали, где

находится третий барак, но тут откуда-то, словно черт из табакерки, выскочил директор рудника и махнув рукой:

– Я покажу, покажу! – побежал вперед по натоптанной дорожке меж сугробов. Бойцы нестройно двинулись за ним.

Замешкались и друзья, но из замешательства их быстро вывел появившийся перед ними вохровец. Охрану лагерей в военное время, как в далекие советские времена доверили осуществлять военизированной охране из вольнонаемных под руководством офицеров внутренней службы. Сейчас, во время войны вохровцы считались мобилизованными по месту работы.

– Спецназ? Сюда! – охранник провел друзей мимо барачков к отдельно стоящему домику, срубленному из толстых, лиственничных бревен. Поднялись на крыльцо, распахнули тяжелую дверь и оказались в темных сенях. Следующая дверь вела в довольно просторную комнату с двумя кроватями и небольшой печью в центре. У низкого окна стоял журнальный столик. В комнате было натоптано, возле печки валялись газетные обрывки. На одной из кроватей было сложено новое постельное белье и шерстяные одеяла.

– Вот! – сказал вохровец. – Ваше логово, господа спецназовцы! Дрова снаружи у задней стенки. Чуть дальше – туалет. Кидайте здесь вещи, вот ключ. Держите! И вот рация для связи. Через пятнадцать минут совещание. Я за вами зайду, – он повернулся, чтобы выйти, но Алексей задержал его, взяв за рукав меховой куртки. Мельком глянул на пого-

ны. Сержант. Сдернул перчатку, протянул руку:

– Алексей. Карабанов.

– Бато! – сказал за спиной Алексея Бато.

Вохровец на мгновение опешил. Потом все-таки сдернул варежку, пожал протянутую руку.

– Иван. Иван Кабыхно.

– А что, Иван, тут хоть кормят? – снова из-за спины Алексея подал голос Бато. Он тоже обменялся с охранником рукопожатием.

– Ну не «Метрополь», конечно, но с голоду никто не помер, – сказал Иван. – Ну, по крайней мере, из персонала. Ужин – после совещания. А столовая... По дороге до казарм вернетесь, там увидите зеленое такое здание.

– Ясненько! Спасибо! – бодро ответил Алексей.

Вохровец ушел. Бато бросил на одну из коек рюкзак, повернулся к другу.

– Да, оказывается, если ты из персонала, то с голоду не померешь... А если ты не из персонала? Че, сразу готовить березку для креста? Или как?

Карабанов прижал палец к губам, кивнул на стену. Друзья прислушались. Из-за стены доносились глухие голоса. Кажется, во вторую комнату дома заселялся майор Болтаев с капралом.

– Хорошее соседство, ничего не скажешь!..

Алексей опустил рюкзак на лавку возле второй кровати.

– Ладно. Давай пока дров принесем, непонятно, что даль-

ше будет. То ли здесь останемся, то ли ушлиют куда. А то вернемся ночью, будем потом по улице шарахаться...

Принесли дров. Алексей быстро и умело наколол щепы, набил топку дровами, засунул под них обрывки бумаги. Это оказались страницы старой книги. Алексей разглядел один из листков, пробежал глазами.

«Неприятности у тебя обязательно случатся: будут гроза, туман и снег, без этого никак. А ты думай об одном: до тебя летали другие, они это выдержали, значит, и я смогу...»

«Планета людей» Экзюпери», – понял Алексей. Любимая книга детства. Если бы не проблемы со зрением, служить бы ему сейчас в авиации. Из-за астигматизма даже в спецотряде «Байкал» он каждый медосмотр находился на грани вылета. Ну ладно, снайпера из него не получилось, но боец-то он не из последних!..

Алексей с грустью подумал, что раньше, в школе, не мог себе и представить, что когда-нибудь будет использовать такие книги на растопку. Но, увы, бытие иногда все же определяет сознание...

На крыльце раздалась шага, дверь распахнулась. На пороге стоял вохровец Иван Кабыхно. Махнул друзьям рукой.
– Пойдемте! – и вышел.

На улице пришлось подождать майора Болтаева и капра-ла. Потом все гуськом двинулись за вохровцем. Алексей поглядывал по сторонам. Небольшой поселок, где жил обслуживающий персонал и охрана, был отделен от колонии

несколькими сотнями метров. Сама колония располагалась между рекой и крутой сопкой, а поселение находилось ниже по течению реки, ближе к берегу. Отсюда было видно, что зона обнесена рядами колючей проволоки и высоким забором.

Алексея удивило то, что поселок так же, как и зона, был отделен от близкого леса забором из колючки. Причем делался этот забор явно зимой, недавно, впопыхах, потому что в некоторых местах проволока была просто намотана на подобие противотанковых ежей, сделанных из неошкуренных бревен. На углах тоже стояли наспех сколоченные вышки, но пониже, на вышках виднелись часовые.

– Может, бандюки Отгаева? – тихо предположил Алексей, обращаясь к Бато.

Тот пожал плечами.

– Не похоже...

...Наконец, подошли к небольшому двухэтажному зданию. Сбоку от входной двери Алексей увидел табличку: «Управление ПКК «Рудник «Новый». Министерство атомной промышленности Красноярского края».

«ПКК – это предприятие Красноярского края», – сообразил он. – Непонятно при чем тут Минатом? Неужели на руднике добывают уран? И зачем тут мы? Диверсантов ловить? И зачем вокруг жилых домов забор поставили? Или все-таки банда?»

У двери управления вохровец посторонился, пропуская всех вперед. Внутри, в маленьком вестибюле, уже ждал дежурный. Он быстро провел их на второй этаж, где друг напротив друга располагались два начальственных кабинета: налево находился кабинет начальника зоны, и табличка гласила: «Начальник колонии №108 Д. Е. Капец».

«Хорошая фамилия для начальника колонии! – мелькнуло в голове у Алексея. – Говорящая!.. Хорошо будем жить, граждане ээки, к нам пришел Капец!»

Направо находился кабинет директора рудника.

В кабинете начальника колонии горел свет, окна были тщательно занавешены плотными, темными шторами, в стену напротив окон был вмонтирован большой экран телевизора, вдоль – стоял длинный стол для совещаний. Кресла были сдвинуты таким образом, чтобы сидящим за столом было удобно смотреть на экран. В глубине кабинета располагался монументальный стол начальника, сбоку от стола навытяжку стоял заместитель – высокий, худошавый лейтенант в маленьких, круглых очках.

Сам хозяин кабинета, капитан Капец, встретил гостей в дверях, лично пожал руку каждому вошедшему и каждому доверительно заглянул в глаза, задавая таким образом тон дальнейшей беседе. Потом отошел к своему столу, над которым находилась большая – во всю стену – карта Красноярского края и чуть сбоку висел портрет генерал-губернатора. Капитан уперся мощным бедром в край стола и еще раз

окинул взглядом гостей, снявших верхнюю одежду, головные уборы и рассеявшихся по креслам.

– Товарищ майор, товарищи сержанты, – негромко сказал он. – Я отлично знаю, что обстановка на фронте такова, что отрывать людей от общего дела без необходимых на то причин я не имею права. Каждый из нас служит родине на своем посту. Вы – на фронте, мы – здесь. Я знаю, что не все всерьез относятся к моим обязанностям. Чего хорошего в том, чтобы охранять каторжников? Скажу, что и этой работой кто-то в нашем крае должен заниматься. Работа на руднике не из простых, условия труда там адские. Нанимать на рудник нормальных людей – недопустимо. У нас сидят убийцы, маньяки, насильники и террористы. Сидят и работают. Сроки у всех большие. Самое малое – двадцать пять лет. Но это неважно. Никто из заключенных на свободу живым не выйдет. Отсюда не видно, но вон там, за забором, кладбище. Там каждый месяц хороним несколько человек. Не выдерживают.

В год умирает около пятидесяти зэка. Столько же новичков к нам присылают. Статус кво сохраняется. Кроме этого, старожилы успевают обучить вновь прибывших. Сейчас баланс нарушен.

Это началось еще в ноябре. Сначала пропало несколько местных жителей с Новой Нерхи, потом у нас исчез охранник. Обшарили все – не нашли. Дезертировать не мог. Шатун тоже исключен – следов нет. А после Нового года стали

пропадать зэка прямо из рудника. Туда спускаются, обратно на поверхность не выходят. Обшарили все. Выходов наружу, кроме тех, что контролирует охрана, – нет. Если бы сбежали, то оставшиеся зэка спускались бы туда с охотой. Но сейчас они спускаются вниз только под угрозой немедленной расправы. Боятся. Недовольство растет. Все это может закончиться бунтом. Что крайне нежелательно. Во-первых, потому что чревато, охраны у меня немного, а кругом тайга. До Китая – рукой подать. Через горы можно уйти в Туву, а оттуда – за границу. Во-вторых, бунт – это срыв работы рудника, а я кровь из носу должен выполнять план поставок. Каждую неделю я обязан добыть определенное количество материала.

– А чипы, браслеты, или что там еще на зэка может быть? – спросил Алексей.

– Чипы, – ответил капитан, – вводятся в носовую пазуху. Достать без специального оборудования невозможно. Нет никаких данных. Сигнал просто исчезает.

– Что добываете? – вылез с вопросом майор Болтаев.

– Товарищ майор, вы к этой информации допуска не имеете, – хладнокровно отрезал капитан Кáпец. – Официально мы добываем золото.

Майор Болтаев был неприятно удивлен ответом капитана Кáпеца, голова его возмущенно дернулась, но он тут же взял себя в руки, сообразив, что на него смотрят подчиненные.

– Мы не раз и не два докладывали наверх о ЧП, но толь-

ко сейчас на помощь прислали вас, – дипломатично продолжил капитан Капец. – Первая и самая необходимая задача роты, как уже объявили бойцам – подавление беспорядков, если они возникнут, и охрана рудника. Внутри рудника мы пускать вас права не имеем, но это и не нужно, потому что на прошлой неделе было совершено несколько уже совершенно реальных нападений извне. И сейчас я покажу, что сняли камеры наблюдения, – капитан Капец кивнул заместителю, тот сел за стол, пододвинул к себе старенький лэптоп, запустил видеофайл, и на экране появилось изображение. Картинка была довольно четкой, со звуком, и четверо гостей заинтересованно качнулись вперед.

Файл был коротким, и все действие длилось не более минуты.

– Это видеочамера установлена недалеко от въезда в колонию, со стороны леса, – прокомментировал капитан. – Если бы не камера, мы бы и не знали, что случилось.

...Сначала внизу, на утопанной дорожке, идущей вдоль забора с колючей проволокой, появился мужчина в овчинном тулупе с карабином за плечом. В следующий момент на него напали трое, неожиданно выпрыгнув из-за высокого сугроба. Бедолага сумел сорвать карабин с плеча и даже успел несколько раз выстрелить в нападавших, но это не помогло, в следующий момент они схватили часового и быстро, почти бережно унесли извивающееся тело за пределы

кадра.

В самом факте нападения не было ничего необычного, но Алексей вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, потому что нападавшие явно, абсолютно точно и бесповоротно не были людьми. В этих темных, быстрых, хищных фигурах было столько отвратительного, нездешнего, нечеловеческого, что у каждого, кто сидел сейчас за столом для совещаний, по спине прошел мороз. И ноги! Ноги были, как у животных – коленками назад!

Капитан Капец внимательно смотрел на реакцию гостей, а потом по его кивку заместитель запустил видеофайл снова, на этот раз замедлив скорость.

Алексей поймал себя на том, что смотрит на экран, приоткрыв рот, закрыл его, чуть лязгнув зубами, взглянул на остальных. И у майора Болтаева, и у молоденького капрала, и даже у видавшего виды Бато вид был ошарашенный.

Когда запись закончилась, капитан запустил другую. В ней было видно, как на место происшествия прибежали трое охранников. Быстро обследовав тропинку, где только что находился сослуживец, вохровцы по очереди полезли по следам в сугроб. Слышались отчетливые матерки. Охранники сами уничтожали следы нападавших, затапывали их, естественно, в первые секунды никто и не думал документировать происходящее, люди тревожились о пропавшем товарище. Слушая их крики и ругательства, Алексей не мог отделаться от мысли, что участвует в каком-то эксперименте

или розыгрыше. Он то и дело переводил взгляд на капитана Капеца, но тот тоскливо смотрел в потолок, словно собираясь с мыслями. А когда и эта запись подошла к концу, капитан вздохнул и сказал:

– Это самый лучший видеоматериал из тех, что у нас есть, остальные намного хуже качеством. У нас тут и пурга бывает, и туман, когда за минус сорок... И камеры работать отказываются. Следы там исчезали в тридцати метрах от дороги. Словно улетели эти твари. А теперь пойдёмте, я покажу то, что осталось от моих людей, – капитан подошел к вешалке, взял форменную куртку, шапку, остановился в дверях. Его гости поднялись с кресел, стали одеваться...

– А что говорят местные? – успел спросить у капитана Алексей.

– А ничего не говорят, – отмахнулся Капец. – Для них все эти твари – какие-то лунные чел-бага, черти с луны. В общем, обычный бред: духи, ведьмы, колдуны.

– А вы во все это не верите? – встрял Болтаев.

– Я, майор Болтаев, верю только в то, что вижу своими глазами. Материалист, – сухо ответил капитан.

...Их привели в гаражный бокс, в котором вдоль стен стояли стеллажи из неструганных досок. На стеллажах, на полу лежало несколько тел, упакованных в черные полиэтиленовые мешки. Одинокая, нестерпимо-яркая лампочка освещала помещение. Алексею показалось, что здесь, внутри гара-

жа, температура даже ниже, чем на улице. Из рта шел пар. Толстый слой куржака³ покрывал стены и потолок.

По знаку капитана вохровец почти до самого конца растянулся один из мешков, лежавших в центре бокса.

В следующий момент майор Болтаев издал невнятный хрип, а молоденький капрал, который сначала заинтересованно наклонился вперед, отпрянул и охнул. Алексей мельком глянул на останки, потом с любопытством скосил глаза на друга. Лицо Бато не дрогнуло.

С минуту присутствующие молча обзревали то, что осталось от когда-то крупного мужчины. Потом капрал, зажимая руками рот, стремительно выбежал из гаража наружу. Капитан Капец с удивлением проводил его взглядом, переглянувшись с остальными. Алексей пожал плечами, как бы извиняясь за поведение капрала. Майор Болтаев раздраженно махнул рукой, мол, не обращайтесь внимания, хотя сам заметно побледнел и то и дело сглатывал подкатывавший к горлу комок.

Тело, лежавшее перед ними в черном мешке, было выпотрошено и обожжено, словно человека пытались зажарить в какой-то гигантской микроволновой печи. Единственное, что более-менее сохранилось – это голова с искаженными чертами лица, с распахнутым, словно в последнем крике, ртом и с широко открытыми глазами в густых кровяных прожилках. У Алексея осталось ощущение, что человек умирал в полном осознании того, что с ним происходит, и до само-

---

³ Куржак (диал.) – иней

го конца испытывал чудовищные, нечеловеческие муки. Он отстраненно заметил, что огненно-рыжие волосы трупа были покрыты инеем. Даже сейчас, на морозе в минус двадцать пять от останков исходил странный, химический запах. Пахло чем-то неуволимо знакомым, но Алексей никак не мог вспомнить, чем.

– А кто это? – прохрипел вдруг севшим голосом майор.

– Это Сафронов. Тот самый охранник, нападение на которого вы видели. Его тело нашли спустя двое суток на дороге, там, где на него напали. Его словно специально подкинули, чтобы мы нашли, – ответил капитан Капец. – Новых следов мы не видели.

– Может, напалим? – предположил Алексей.

– Директор рудника Иванов говорит, что нет, а он на химии собаку съел, технарь, – ответил капитан.

– Товарищ майор, разрешите обратиться к товарищу капитану? – вдруг подал голос Бато.

Майор кивнул.

– Товарищ капитан, а вскрытие делали? – спросил Бато Капеца.

Капец скривился, как от зубной боли.

– Делали. Но что может лагерный лепила, извините, фельдшер? Зуб вырвать да касторки налить. Я доложил обо всем в Красноярск, но там до сих пор почему-то тянут, тела не забирают. Фельдшер на свой страх и риск одно тело разрезал, анализы какие-то делал, но, по-моему, все без толку...

– А можно где-нибудь ознакомиться с отчетом о вскрытии и рапорты посмотреть, – настойчиво спросил Бато, незаметно толкая Алексея локтем в бок, мол, чего молчишь?

Алексей очнулся.

– Да, нам бы все материалы изучить, какие есть, – попросил он, – можно это где-то организовать? Вы же обязаны были о пропаже людей рапорты составлять, еще какие-то документы? Надо поговорить с зэка, с лепилой вашим, с охранниками, которые на видео были и которые тело нашли. Да и в рудник спуститься надо. С допуском, думаю, решим.

Капитан Капец помедлил, прежде чем отвечать.

– Все документы и файлы можете посмотреть у меня, да хоть вон, после ужина. С лепилой и вохровцами... Давайте с завтрашнего утра встречу организуем. Напишите мне потом, кого еще вызвать, я вызову. В рудник без допуска не пущу. А с допуском – хоть делегациями ходите. Трижды в день и с девочками! Только допуск должен прийти из Москвы. Все ясно?

– Так точно!

Когда они гуськом выходили обратно на улицу через ворота бокса, Алексей слышал, как охранник аккуратно закрыл мешок, в котором находились изуродованные останки. Собачка замка с еле слышным визгом скользила по зубчикам молнии, и от этого звука спине стало холодно.

Капрал ждал снаружи.

Сначала шли молча. Потом майор с капитаном свернули

в управу, а друзья направились в столовую. Капрал пошел следом.

– Че, начальству-то, поди, хавчик в кабинет подадут? – мечтательно сказал Алексей, у которого уже урчало в животе от голода.

– Наверняка! – подхватил Бато. – Вот бы того хавчика попробовать! А то я голодный как волк, даже не обедал!

– Товарищу майору надо с товарищем капитаном обсудить, как лучше рассредоточить бойцов по периметру зоны для обеспечения безопасности персонала и для более полного и точного выполнения требуемой задачи! – раздался сзади постный голос зануды-капрала.

Друзья помолчали, состроили деланно-серьезные физиономии, потом Бато не выдержал и первый прыснул со смеху. Алексей на ходу обернулся назад, взглянул на вытянувшуюся физиономию капрала.

– Аппетит-то тебе как? Не испортили? – фыркнул он и, не выдержав, зло засмеялся.

Бато дурашливо толкнул его в плечо, Алексей ответил тем же.

Капрал хотел было что-то ответить, но передумал и обиженно приотстал. Спорить со взрослыми спецназовцами он не рискнул.

В небольшом, удивительно чистом зале столовой уже почти никого не было. Только за самым дальним столиком в глубине сидели два вохровца. Пахло супом и еще чем-то

печеным – то ли свежим хлебом, то ли булочками, у Алексея от такого запаха слюнки потекли. Он прошел к пустующей стойке раздачи, взял поднос, позвал:

– Хозяева! Накормите или голодными оставите? – пошарил глазами, в поисках хоть какой-нибудь еды, но на стойке стояло только одинокое блюдечко с консервированным зеленым горошком. Взял блюдечко, посмотрел. Горошек был старым, уже подсохшим. Алексей сложил губы скорбной скобочкой, горестно вздохнул. В домике в рюкзаке на самом дне лежали консервы и хлеб, и даже несколько вареных яиц, но все-таки хотелось похлебать горячего.

– У нас остался только консервированный горошек и поджарка из лосятины с макаронами, – вдруг сказал рядом свежий девичий голос.

Алексей поднял глаза и едва не выронил блюдце с горошком. Напротив него стояло синеглазое чудо. У чуда был удивительно правильный носик, темные брови, округлый подбородок, пухлые, еще детские щечки и губы. На губы Алексей обратил особенно пристальное внимание. Губы шевелились, что-то говорили и манили, манили...

Алексей очнулся, когда ему в бок локтем заехал подошедший Бато, и с удивлением обнаружил у себя на подносе дымящуюся тарелку с лосятиной, макаронами и новым, только что из банки, горошком, хлеб и чай.

«Однако!»

Сейчас это выражало крайнюю степень изумления.

А потом он услышал голос Бато и удивился еще раз. Никогда он не слышал у друга такого чарующего, такого бархатного баритона. Бато говорил, говорил и девушка, несколько раз оглянувшись на Алексея, все-таки обратила, наконец, свое внимание на Аюшеева, прислушалась, даже улыбнулась.

Карабанов взял поднос и все еще под впечатлением пошел к столику.

Стоило ему поставить поднос на стол, как рядом тут же возник странный мужичонка в грязной телогрейке. Телогрейка была рваная и местами из нее торчала старая, желтая вата. Шарфа у мужичка не было, из темного, засаленного ворота торчала худая, грязная шея, поросшая черным волосом. Голова была маленькой, круглой, стриженной ежиком, два глаза-буравчика выглядывали из-под низкого, морщинистого лба. Нос был сломан.

– Хатумба, начальник! – прохрипел мужичонка, присел напротив и ощерился на Алексея кривой улыбкой.

Алексей слегка помедлил, прежде чем ставить на стол поднос с едой.

– Кто такой, че надо?

Грубый голос не смутил мужичонку, видимо, он давно привык к такому обращению.

– Ой, начальничек, не пугай меня своим грозным видом, пуганый я, – замельтешил он, – по делу, по делу пришел, не просто так...

– Выкладывай!

– Да дело-то пока подождет, слышь, начальничек, я вот вижу, друг твой узкоглазый буром клеит то, что не клеится, давай совет дам, как родному. Слышь?

– Не родня мы с тобой, говори, че надо, и проваливай! – отрезал Алексей, вытащил из вазочки салфетку, тщательно протер ложку.

– Эх! Ну отчего вы, приезжие, все такие грубые? А? Че, думаешь, некому тут вас уму-разуму да вежливости научить? Есть, да только не надо это тебе, поверь на слово! Не нужно ему к этой девочке клинья бить, не обломится. Понял? А неприятностей огребетесь по полной. В обязательку кто-нибудь стуканет хозяину.

Мимо Алексея молча протопал вошедший в столовую капрал.

Алексей проводил его взглядом, помолчал. Насколько он знал, хозяином заключенные называли начальника зоны.

– Ты?

– Что – я? – не понял мужичонка.

– Ты стуканешь?

– А может, и я, кто ж знает-то, ты же за мной следить не будешь, а, начальничек?

– А кто она хозяину? – продолжал спрашивать Алексей. – Жена, сестра?

– Дочка! – мужичонка зыркнул на Алексея.

– Дочка?.. – Алексей скривился. – Да... За дочку капитан и порвать может!

– Вот то-то и оно! – оживился мужичонка, понимая, что заинтересовал Алексея. – Я тут вот что спросить-то хотел? Вы обратно когда полетите?

– А тебе что за интерес? – насторожился Алексей.

– Да как что? Тут по тайге пятьсот километров до трассы – далеко. Хотел с вами. Ты, сержант, как узнаешь, когда летишь, шепни мне по дружбе, я в долгу не останусь. Ты думаешь, что я рвань-пьянь и зовут меня никак? Не, братела, ошибаешься... Сема много че может, спроси кого хошь. И узнать, че надо, могу и достать, че надо, могу. И за услугу отплачу, не сомневайся.

– Сбежать хочешь? – спросил Алексей, принимаясь за еду.

Одним глазом он все еще поглядывал за Бато.

– Хочу. Кипишно тут стало, сам, небось, уже все знаешь. Стремаюсь. А жить-то хочется! Зэка тут, понятное дело, никуда не денутся, ну разве зону разморозят⁴, да как тут разморозишь, когда вертухаев больше, чем братвы? Вертухаи⁵ с хозяином тоже, так сказать, при деле, а мне тут больше делать нечего. Вольный я человек! А вольный человек, начальник, жизнью дорожит! Так что ты мне шепни по дружбе, а я отплачу. Я в сторожке живу рядом с управой. Махонькая такая сторожка, справа. Понял? – одним глазом мужичок тоже косился на Бато, и как только бурят с полным подносом

---

⁴ Разморозить зону (блатн. жарг.) – поднять бунт в колонии

⁵ Вертухаи (жарг.) – охранники

еды развернулся, чтобы идти к столику, как он тут же раскланялся:

– Ну раз понял, тогда все! Хатумба, начальник! – и словно ветром сдуло мужичка из-за стола. Был и не стало. Только входная дверь хлопнула.

Подошедший Бато поставил на стол поднос, сел напротив. Алексей перевел взгляд на друга. Аюшеев буквально светился. С лица не сходила улыбка от уха до уха. Алексей пытался вспомнить, когда он видел у Бато такую улыбку, но не смог. Служба к радости не располагала.

– Ты видел? – горячо зашептал Бато другу. – Видел, сержант, какая? А? Хороша, брат! И откуда здесь, в глуши, такая красота? Никогда не поверю, что здесь родилась! Видел, какая фигура? А волосы какие густые, и глаза! Глаза, сержант, как звезды!

– Ага, большие такие! – ухмыльнулся Карабанов.

Бато даже не обиделся, настолько был возбужден и воодушевлен встречей. Потом все-таки погрустнел, вздохнул.

– Да... Только не пара я такой... Эх! Вон как она на тебя смотрела! А я что? – Аюшеев, наконец, обратил внимание на тарелки, стоявшие перед ним, взял ложку, хлеб.

Алексей фыркнул.

– Ага. Смотрела! Как бы мне макарон побольше наложить, а мяса поменьше! Скажешь тоже!

– Да ладно, Леха! Весь отряд знает, что с бабами у тебя полный порядок! Вон в госпитале докторшу подцепил,

а до этого связистка была. Хорошенькая... Любят тебя бабы!

Алексей даже есть перестал, задумался. Пожал печами.

– А может, и так!..

– А че этот хотел, черный? – спохватился Бато.

– Черный-то? – сержант тщательно вычистил подливку корочкой хлеба, отодвинул пустую тарелку, взялся за чай. – Да че хотел? Сказал, капитан Капец башку открутит твоему другу за единственную дочку.

Бато на мгновение распахнул черные глаза, улыбка пропала. Вздохнул, поник.

– Вот оно что! Да-а... Не везет мне, – разочарованно протянул он. Потом покачал головой, как бы недоумевая – надо же! И отчего такая оказия? – и принялся жадно есть. По наблюдениям Алексея не было на свете ничего такого, что отбило бы у Бато аппетит.

...До притока, впадавшего в Хангарок перед водопадом, Алексей дошел без приключений. Серые, рваные тучи низко волочились над Саянами, скрывая вершушки гор и местами обкусывая маковки у деревьев, погода испортилась, снова пошел снег, резкие порывы ветра, бившие навстречу, леденили лицо, иногда Алексею приходилось заслоняться рукой от снега, летящего в глаза. Странно, но он стал чувствовать себя значительно лучше, чем в первой половине дня, сразу после укуса. Наверное, помог антибиотик или просто «расходился». Он надеялся, что сейчас без проблем уйдет

по ущелью притока направо, но его ждало разочарование.

– Да-а... – протянул он тихонько, разглядывая открывшуюся перед ним картину: буквально в двухстах метрах от берега Хангарока, он увидел высокий ледяной водопад – это низвергалась с высокой скалы в ущелье Хангарока та самая река, по которой Алексею предстояло подняться на хребет.

– А на навигаторе такого нет... Что ж ты будешь делать-то! Натурально – «бес» колдует! И вчера мы этого не увидели – темнело, снег опять же...

Алексей какое-то время стоял, осматривая все вокруг, и думал, что можно предпринять. Штурмовать ледяную стену в одиночку было рискованно, на скалу лезть в зимней одежде вообще не хотелось, но и возвращаться обратно в зимовье было нельзя. Мальчишку все равно никуда не денешь, одного не бросишь, значит, придется лезть вверх. Лишь бы дальше было проще, а то он застрянет тут, в горах, до утра!

– Не хотелось бы! – пробормотал Алексей под нос и решительно зашагал к водопаду.

Водопад оказался не таким уж неприступным и высоким, как показалось издалека: подойдя к нему, Алексей увидел несколько уступов. Самым крутым и высоким был нижний, остальные были немного полбже и короче. Главное, прикинул Алексей, подняться на первый уступ, выше будет легче.

Нижний сброс воды был почти в тридцать метров высотой. Что было прямо за ним, на уступе, с русла реки Алексею видно не было. Он надеялся, что сможет там немного пере-

дохнуть перед штурмом следующей ступени.

Алексей немного посидел на рюкзаке, собираясь с мыслями. Конечно, отрешиться от окружающей тайги не удалось, он каждую секунду помнил, что где-то здесь, среди высоких сосен, елей, тоненьких, голых берез и осин его ждет-поджидает омерзительное существо, уже погубившее столько людей! И надеется это существо только на то, что он, Алексей Карабанов, совершит какую-нибудь оплошность, и тогда его можно будет взять голыми руками. То есть лапами!

– А вот фиг вам! – сказал Алексей вслух и посмотрел на часы – было начало шестого. Через час начнет темнеть. Значит, к этому времени он должен быть на озере.

Надо спешить.

Он надел кошки, вытащил ледорубы и полез вверх.

Лез медленно, аккуратно, тщательно вбивая ледорубы и кошки в хрупкий лед, контролируя распределение веса и избегая излишне напрягать плечо и шею из-за раны. Кроме этого, надо было держать ухо остро. Алексей то и дело оглядывался вокруг, смотрел вниз, вверх, ослаблял петлю ледоруба на запястье правой руки, готовый, если что, взяться за «Нортон», но кругом было спокойно. Подозрительные звуки ему лишь мерещились в заунывных стенаниях хиуса⁶, ни внизу, ни вверху не было ничего необычного, неподвижными оставались сосны на склоне справа и слева, цепляющиеся корнями за каменные уступы. Алексей висел на ледя-

---

⁶ Хиус – слабый, но ледяной северный ветер

ной стене водопада в полном, оглушающем своей тишиной одиночестве...

От физической нагрузки он, наконец, согрелся. Перед тем, как подняться на уступ, остановился, отдохнул, рукой нащупал штурмовую винтовку, на всякий случай передвинул ее так, чтобы было удобно схватить, а потом сделал последний рывок.

Перевалившись через край, он откатился, освободил руки от ледорубов, вскочил на ноги, тут же вскинул «Нортон», поводя стволом то вправо, то влево, то вверх. Но никакого «беса» на уступе не оказалось. Только несколько довольно крупных обломков скалы, торчавших из льда. Ширина уступа была довольно большой – метров пять. Следующий сброс воды уходил еще на двадцать метров вверх уже не вертикально, а под наклоном градусов в шестьдесят. Что было наверху, Алексей отсюда разглядеть не смог, зато увидел, что самый верхний сброс водопада представляет собой крутой порог с наклоном не более сорока пяти градусов.

«Пешком можно «уйти», – мысленно усмехнулся Алексей.

Еще выше речка терялась между деревьями. Алексей, конечно, надеялся, что через сто – сто пятьдесят метров река выходит на плато, но опыт подсказывал ему, что все может быть совсем не так. До озера Васильева было около пяти километров. Наверняка всю дорогу придется топать в гору.

– Ладно, не привыкать!

Алексей на мгновение обернулся назад, на ущелье Ханга-рока, которое окутывала снежная мгла. Горы на другом берегу реки уже не было видно, небо стало совсем близким – казалось, Алексей взберется на следующий уступ и сможет потрогать его руками. Тьма подступала к бойцу Карабанову со всех краев – снизу, сверху и со всего видимого горизонта.

Справа стояла тонкая, искривленная сосна, чудом зацепившаяся корнями за уступ отвесной скалы у самого водопада. Место было неприветливое, хотя и поражающее непонятной, суровой красотой. Алексей опустил оружие, подхватил ледорубы, поправил рюкзак и продолжил подъем по ледяной стене.

Это случилось, когда до конца подъема осталось всего метров пять. Сверху раздался визг, словно от лезвий коньков, скользящих по льду, Алексей поднял голову и увидел «беса», падающего на него по ледяному склону. Острыми, длинными когтями краснорожий монстр скользил по ледяной стене, в стороны летели снопы ледяных искр, и уклониться от этого «снаряда» Алексей не сумел.

Тварь с сокрушительной силой толкнула его, неожиданно остановившись прямо над Карабановым, как будто в ее лапах была встроена особая тормозная система, позволяющая как угодно маневрировать на отвесной ледяной стенке. От толчка один из ледорубов сорвался, Алексея откинуло назад, и он с ужасом ощутил, как, сдирая с запястья кожу и стаскивая с нее перчатку, соскальзывает с левой руки тесьма рукоятки

второго ледоруба, крепко застрявшего клювом во льду и так и оставшегося там!

Алексей спиной ощутил холод ледяной пустоты, которая была под ним – до самого дна ущелья, и даже успел пожалеть, что все так нелепо получилось, и не было на складе военного снаряжения крючьев для страховки, а в следующее мгновение упал вниз. Последнее, что он успел почувствовать – это странное чувство невесомости, словно кто-то щекотал под ложечкой. Дальше – ничего, пустота, тьма!

...Очнулся он от холода и боли. Было темно, и Алексей не мог понять, сколько времени прошло с момента падения. Что-то громко сипело рядом, и сначала сержант испугался, решив, что возле него находится кто-то еще, но потом сообразил, что это его собственное дыхание. Кажется, он лежал на нижнем уступе в пятнадцати метрах ниже того места, до которого вскарабкался по ледяной стенке.

Алексей хотел было поднести к глазам часы, чтобы узнать время, но тело прошила такая невыносимая боль, какой он не чувствовал никогда: ни во время ранения, ни после, в госпитале. И он задохнулся от этой боли, она сковала его, заставила замереть и на какое-то время напрочь отказаться даже от мысли о дальнейшей борьбе за жизнь.

Несколько минут он просто лежал и смотрел в темноту. Кажется, все еще шел снег, но замерзшее лицо почти не ощущало падения снежинок и порывов ветра.

Потом пришла мысль, которая заставила Алексея возобновить попытки выяснить свое физическое состояние. Это была мысль о «бесе». Тварь, конечно, могла уйти, приняв его за покойника, а могла остаться где-то здесь, рядом, и Алексей не хотел превращаться в заживо выпотрошенного, а потом подкопченного «омуля». Поэтому он сначала попытался пошевелить пальцами рук, а потом, когда это удалось – пальцами ног. Боль вспыхнула с новой силой, снова заставила замереть, но все-таки Алексей чувствовал ноги, и это было уже хорошо. Надо было попробовать выяснить, что у него сломано.

Он мысленно представил себе, что находится в рюкзаке, на котором он сейчас лежал. Кажется, только мягкое: спальник, коврик, спецпаек. Магазины и патроны к подствольному дробовику находились в передних карманах куртки. «Нортон»... Где «Нортон»?

Правая рука, слава Богу, действовала! Больно, но терпимо, не то, что левая. Левая, скорее всего, сломана или есть трещина в кости, что тоже очень болезненно! Алексей пошарил по снегу и негнушимися замерзшими пальцами нащупал ствол винтовки.

«Уже лучше! Но наверняка отбил легкие и все, что можно и нельзя. Недаром столько крови во рту... Переломы? Ребра – сто процентов! Позвоночник? Плохо, если позвоночник...»

Таз? Если таз – тоже хреново: значит, есть еще одно внут-

реннее кровотечение. Ноги? Ноги вроде целы!

Бато? Бато звать на помощь нельзя... Сожрут. Ночью его точно сожрут! И пацан этот еще... Значит, надо выпутываться самому!»

Алексей нащупал в кармане небольшой шприц. Старый добрый пармедол. Сейчас – самое то!

Зубами снял с иглы колпачок, вколол через штаны в бедро. Боль от укола он все-таки почувствовал, значит, была надежда, что позвоночник в порядке. Хотя... Всякое может быть! Алексей еще до войны видел травмированных скалолазов. Печальное зрелище – люди, всю жизнь стремившиеся вверх и распластанные на земле.

Какое-то время он лежал, ожидая, когда начнет действовать лекарство, потом неуверенно пошевелил пальцами левой руки. Боль отступала. Вскоре Алексей уже смог приподнять левую руку, потом пошевелил ногами. Да! Все-таки у него множественные переломы.

– Плохо дело...

Алексей облизнул губы. Очень хотелось пить. Он набрал в горсть ледяного крошева, пожевал. Даже от такого небольшого усилия испытал приступ удушья. Сердце редко, но сильно билось внутри израненной грудной клетки. Он попытался восстановить дыхание.

Издали, снизу донесся протяжный, заунывный вопль. Он проник сквозь ветер и снег и тоскливой нотой пронесся над замерзшим, заснеженным ущельем Хангарока. Это бы-

ли не волки. Однажды Алексей уже слышал этот печальный звук, от которого по коже шли мурашки. Это было на руднике. Так кричали «бесы».

Алексей дотянулся до шлема, включил «ночник», взял в руки ставший вдруг тяжелым и большим «Нортон».

Прямо перед ним находилась ледяная стена водопада. Слева лежал большой камень. Если бы Алексей упал левее, все было бы уже кончено. Правда, пока он не знал, радоваться этому или сожалеть.

В неестественно-зеленом свете прибора ночного видения Алексей сумел разглядеть под столбами льда черноту пустого пространства. За водопадом было углубление, грот, пещера, отсюда не понять.

Карабанов потихоньку, а потом все более энергично пошевелил ногами, под действием пармедола он перестал ощущать боль, с трудом подполз к ледяной стене, преодолевая одышку и головокружение, несколько раз ударил прикладом по льду. «Нортон» норовил выскользнуть, выпасть из онемевших рук, но Алексей все-таки расчистил небольшую щель и с трудом, цепляясь рюкзаком за ледяные сосульки, протиснулся внутрь.

Он оказался в узком гроте, в котором можно было с трудом развернуться. Это было на руку – легче охранять вход от непрошенных гостей.

Даже находясь на грани потери сознания, Алексей совершенно четко понимал: если лечь на камни – до утра не до-

жить. Слишком холодно.

Он заполз как можно глубже, расстегнул все ремни, удерживающие рюкзак, правой рукой, которая более-менее слушалась, перетащил рюкзак со спины вперед, расстегнул его. Медленно, с перерывами, вытащил коврик, включил обогрев, раскатал его на холодном камне, с облегчением опустился на него правым, – более целым – боком.

На какое-то время забылся, уткнувшись лбом в холодный рукав куртки.

Потом вдруг вспомнил о Бато.

– Надо связаться...

Хотя дышать становилось все трудней, и все сильнее кружилась голова, неяркий свет экрана на несколько мгновений вернул его к реальности. Бесстрастный коммуникатор сразу сообщил, что температура воздуха – минус двадцать девять. Нехило!

Аюшеев принял вызов сразу, наверное, не спал, ждал Алексея.

Увидев на экране искаженное близкой камерой лицо друга, Карабанов похрипел:

– Бато... Хана мне...

– «Бесы?» – только и спросил бурят и сразу же сам себе ответил. – «Бесы»! Коли «рулетку». Быстро! Иначе не выжить!

...Алексей колебался. «Рулеткой» бойцы спецотряда «Байкал» между собой называли экспериментальный препа-

рат, который был выдан каждому. Хороший был препарат, раны затягивались на глазах, а переломы – срастались. Чудо, а не препарат. «Живая» вода. Одно только «но» было: от него умирал каждый второй боец в течение пятнадцати минут. Анафилактический шок, несовместимость каких-то белков. Так что кололи его бойцы только в том случае, когда другого выхода не было, и надежды не оставалось. Как русская рулетка – или пан, или пропал!

– Ну, если что, прощай!.. – Алексей отключил коммуникатор, с трудом сплюнул на припорошенный ледяным крошевом камень тягучую слюну, увидел кровь. Неудержимо клонило в сон – это оказывал свое действие пармедол, и ему стало как-то все равно, что с ним будет дальше. Умереть после укола или уснуть под действием лекарства и больше не проснуться от внутреннего кровотечения, замерзнуть – какая, в сущности, разница! Да никакой! Двум смертям не бывать, а одной не миновать...

Он с трудом расстегнул молнию на куртке, нащупал за воротом тельника крохотный серебряный крестик, до боли сжал в кулаке, потом нашел вшитую в воротник термобелья ампулу «рулетки», сжал ее двумя пальцами, вздрогнул от вонзившейся в тело крохотной иглы, и ощутил такую адскую боль, по сравнению с которой все, что он испытывал до сих пор, казалось только слабой тенью, призраком боли. Эта боль пробежала по всему телу, как огонь по рассыпанному пороху. Все мышцы сразу, в одно мгновение свела

страшная судорога, мир вспыхнул красочным фейерверком и тут же погрузился во тьму...

...Сидя на жесткой лавке, Бато несколько долгих секунд смотрел на погасший экран коммуникатора. От души ругнулся, покосился на полати: там спал мальчик. Во сне он разметался, сбросил с себя одеяло. Бато встал, поправил одеяло, потрогал лоб ребенка.

– Температура!..

Накрыл мальчика сверху еще одним стареньким одеялом, подошел к печке, подбросил дрова в багровую топку, от которой шел жар, вернулся к коммуникатору, оставленному на грубо сколоченном столе, сел, стараясь не смотреть на потеки крови на стене, на которой распяли наверняка еще живого Ситникова.

Он принялся вызывать сержанта, прекрасно понимая, что Карабанов физически не сможет ответить: если «рулетка» подействовала, то раньше, чем к утру, он все равно не оклемается, а если она подействовала, но не так, как хотелось, вызывать сержанта бесполезно: если он еще не был мертв, то наверняка умирал.

Бато закрыл глаза и в первый раз за всю свою взрослую жизнь стал молить Бога, чтобы с Алексеем все было хорошо.

На столе оплывала свеча, почти такая же, какая горела в людских жилищах в двадцатом веке и в девятнадцатом, от горячего бока печки шли волны тепла, и холодом тянуло

по полу, выстланному толстыми лиственничным плахами...

Бато подвинул к себе коммуникатор, чтобы снова попробовать вызвать Алексея. Желание было нерациональным, это было ожидание чуда, хотя Бато прекрасно понимал, что чудес не бывает, во всяком случае, он за всю свою жизнь так ни разу и не сталкивался с ними. Зато со смертью приходилось встречаться часто.

Хотя, кто знает, быть может, он просто не замечал чудеса, и поэтому они проходили мимо него?

Как только Бато придвинул к себе коммуникатор, над его головой раздались тяжелые шаги. По крыше кто-то ходил.

Бато сразу понял, что это «бес», и словно в подтверждение, сверху раздался пронзительный, протяжный вопль, от которого кровь застыла в жилах. Аюшеев схватил «Нортон», посмотрел на толстые, темные от копоти бревна потолка, потом неслышно поднялся из-за стола, крадучись, подошел к двери, осмотрел засов, на цыпочках вернулся на место, взглянул в сторону спящего ребенка.

Мальчик, к счастью, не проснулся.

«Бес» прошелся по крыше, потом спрыгнул на землю с северной стороны избушки, – здесь стена зимовья была глухой. Бато напряженно слушал. Кажется, «бес», убедившись, что просто так в зимовье не проникнуть, сдался и ушел. Во всяком случае, Бато надеялся, что это так.

Сейчас ему казалось, что сиротливое пламя свечи слабеет, что в углах избушки сгущается и клубится осязаемая, по-

что живая темнота. Тянулись минуты. Снаружи не доносились ни шороха, ни звука. Бато только слышал, как дышит спящий ребенок.

«Кажется, пронесло!» – наконец, решил Аюшеев.

Но стоило ему расслабиться и отставить «Нортон» в сторону, как крохотное оконце разбилось, и в узкое отверстие рамы просунулась отвратительная, красная морда «беса», который, увидев спецназовца, зарычал и оскалился сотнями мелких, острых, похожих на иглы зубов...

Глава вторая

Зона

....После столовой Бато и Алексей вернулись к управе, но дежурный не пустил их дальше вестибюля.

– Доложи капитану, что мы пришли! Нам нужны материалы по нападению этих тварей! – пытался вразумить дежурного Карабанов, но охранник был неумолим.

– Не положено!

Наконец, на громкие голоса вышел Иван Кабыхно. Передал ноутбук.

– Поужинали? Здесь все документы, видеофайлы и сканы докладов и рапортов вплоть до вскрытия и анализов. Завтра в восемь ноль-ноль зайду к вам, капитан приказал перед разводом взять у вас список тех, с кем захотите переговорить.

– А что сам капитан? – спросил Алексей и с вопросительным выражением щелкнул по горлу. – С майором, поди?..

Кабыхно покосился на дежурного. Кашлянул.

– Ну типо того...

– Ясненько! Тогда до завтра! – Алексей взял ноутбук под мышку, и друзья пошли в отведенный им домик.

Под ногами поскрипывал снег, небо из темно-синего стремительно становилось черным, тонкий серебряный месяц

поднимался из-за темных крыш низких, бревенчатых домов, а рядом с ним висел в пространстве громадный, синий Юпитер.

– Ни фига себе звездочка! – заметил Бато, сворачивая к домику.

– Это не звездочка, – строго поправил его Алексей, – это планета.

– А ты откуда знаешь? – спросил Бато.

– А как же! Я в свое время астрономией увлекался! У меня даже телескоп был!

....В доме было темно и холодно.

Алексей щелкнул выключателем, поставил у кровати «Нортон», вернулся к печке, открыл заслонки, поддувало, распахнул чугунную дверцу, щелкнул зажигалкой, поджигая растопку. Оранжевый язычок пламени жадно лизнул клочок бумаги, испещренный черными буквами. Что же там было написано?

– Неприятности у тебя обязательно произойдут – будет и метель, и туман, и снег... ...А ты помни: летали до меня другие, значит, и я смогу... – прошептал Алексей, глядя на то, как занимаются щепки в печи. – Значит, и я смогу!

– Ты чего там бормочешь? – спросил Аюшеев, уже присев на табурет и пристроив ноутбук на журнальный столик.

– Да так, из детства, – сказал Алексей, закрывая дверцу топки и прислушиваясь. Внутри печи сначала тихонько по-

трескивало, а потом загудело ровно и грозно. Карабанов удовлетворенно кивнул, отошел, присел на койку.

– Что ты обо всем этом думаешь, Бато? – задумчиво спросил он друга.

Бурят мельком глянул на Алексея, коротко вздохнул. Его восточное лицо, освещенное мертвенным светом экрана, было серьезным.

– Думаю, Леха, у нас большие проблемы, – глубокомысленно изрек он. – А еще думаю, что капитан что-то от нас скрывает. Короче, я тут покопаюсь, а ты давай спи. Нечего вдвоем у одного «буки» толкаться. Если что найду, разбуджу. Печку посмотрю.

– Ладно... – Алексей сел на кровать. Потом откинулся навзничь, поглядел в темный потолок. День получился странным. Вместо того чтобы только сейчас собирать вещи в Омск, он уже находился у черта на куличках, в тофоларской тайге, практически в «зоне» и, кажется, только что видел самих натуральных инопланетян. Алексей хотел было подумать обо всем этом, но неожиданно заснул.

...Он проснулся среди ночи, потому что приспичило. С удивлением понял, что даже не раздевался, а так и заснул в расстегнутой куртке, только каску снял. В темноте нашел подшлемник, надел, подвернул так, чтобы была прикрыта только макушка, нащупал «Нортон», с трудом спросонья сориентировался в новой обстановке, встал со скрипнувшей

койки, тихонько прошел мимо уснувшего буряты. Свет с улицы падал прямо на журнальный столик. Ноутбук впал в спящий режим. Кажется, тоже уснул, как Бато. Алексей, стараясь не шуметь, отодвинул засов и вывалился из жаркой комнаты сначала в темные, ледяные сени, а затем – на морозный воздух.

«Новый» спал. Спал распадок, на ладонях которого лежал поселок. Заснеженные сопки молчаливо стояли кругом, словно охраняя покой людей. В небе по-прежнему висел месяц, уже переместившийся на другую половину неба, его свет отражался от снега, и было светло, как днем. С каждым выдохом изо рта вырывалось облачко пара. Алексей свернул за дом. Идти до будки уличного туалета было далеко и неохота, и он справил малую нужду в сугроб за углом.

Как только он закончил это немаловажное дело и вздохнул с облегчением, как в небе мелькнул всполох света, со стороны колонии раздалась автоматная очередь, потом еще одна, и спустя мгновение неподвижный воздух распадка огласился пронзительной, оглушающей сиреной.

И сразу же, как будто только этого и ждали, разом залаляли собаки в поселке, где-то далеко, за домами раздались встревоженные человеческие крики, в окнах зажглись огни, захлопали двери.

Алексей опомнился, привел в порядок одежду. По тропинкам, по дороге в сторону рудника уже бежали невесть откуда появившиеся люди, на ходу натягивали полушубки,

застегивали ремни, торопливо проверяли оружие. Кто-то громко выругался, следом раздался чей-то окрик.

– Че случилось? Кто знает? – заорал кто-то басом и выматерился.

Ему не ответили.

В небесах опять мелькнула молния. Алексей взглянул вверх, но ничего не увидел. На востоке небосклон слегка позеленел – близился рассвет.

Рядом оглушительно хлопнула дверь, и Алексей метнулся назад, к крыльцу. На крыльце стоял сонный Бато, впопыхах проталкивал руку в рукав крутки. На сгибе локтя болтался «Нортон».

– Что стряслось? – крикнул он Алексею.

Сирена выла, действуя на нервы.

– Не знаю! – отрывисто ответил Карабанов.– Кажется, на рудник напали! Бегом к управе!

И они вместе с другими людьми понеслись к управе.

...Возле управы уже стояло несколько заведенных бронированных «Медведей». Люди выбегали из дверей с автоматами наперевес, по очереди прыгали в машины, и «Медведи» сразу же отъезжали от управления в сторону рудника. Алексей, повинуясь шестому чувству, сел в машину, которая стояла ближе всего к дверям управления. На крыше вездехода был установлен станковый пулемет. За ним последовал Бато. Несмотря на то, что мест в вездеходе больше не бы-

ло, водитель медлил, по-видимому, кого-то ждал. И точно: вскоре широкие плечи капитана Капеца почти полностью за-слонили свет, падающий из дверей наружу. Капитан оперся мощной дланью о притолоку, покачнулся, несколько раз глубоко вдохнул, приходя в себя, потом четким, быть может, даже излишне правильным шагом направился к «Медведю», сел рядом с водителем. До Алексея дошел тяжелый перегарный дух.

– А майора-то нет! – шепнул Бато. – Спит наш штабист крепким сном праведника!

– Да, спекся Болтушка, – тихо ответил Алексей. – Попей ее, родимую!

Машина сорвалась с места в карьер.

– Байкаловцы здесь? – вдруг зычно спросил капитан.

– Здесь! – ответил Алексей.

Капитан с трудом обернулся назад, невидящими, мутными глазами посмотрел на спецназовцев, кивнул.

– А капитан-то молодец, держится! – тихонько пробурчал Алексей.

– Капитан у нас – кремень! – заметил сидевший рядом охранник, который за ревом двигателя все-таки расслышал слова Алексея.

В этот момент вездеход наехал на кочку, Алексея подбросило вверх, и он ухватился за поручень, чтобы не слететь с сиденья. Дальше ехали моча. У ворот зоны вездеход притормозил, капитан опустил вниз бронированное стекло, что-

то отрывисто сказал охраннику. В сторону отъехали металлические ворота, «Медведь» въехал в шлюз⁷ и остановился. Отъехавшие ранее машины, видимо, умчались в район столкновения. В шлюзе командирскую машину уже ждали охранники. С коротких поводков, хрипя, бешено рвались овчарки.

– Что произошло, Шестопалов? – взревел вывалившийся из кабины наружу капитан. – Да вырубите же вы эту хренову сирену! От этого и мертвецы проснутся, не только мы!

– Еще немного, товарищ капитан, и сказанное вами может осуществиться в полной мере, – хладнокровно ответил капитану заместитель, которого друзья уже видели вчера, – сухопарый, подтянутый лейтенант лет тридцати. – У нас нарушение периметра и нападение на часовых.

– Как это случилось? – медленно трезвея, спросил Капец.

– Нападение произошло со стороны леса. Есть жертвы.

За Шестопаловым толпилось несколько охранников с автоматами.

– А какого хрена не пристрелили хотя бы одну тварь? – рявкнул капитан.

– Все произошло слишком быстро, – бесстрастно ответил Шестопалов, наверное, ему было не впервой выслушивать такие разносы, но в этой ситуации Алексей даже позабывал хладнокровию Шестопалова. – Свалили, гады! А нам своих бы не перестрелять!

---

⁷ Место досмотра машин

– Потери, говоришь, есть? – вдруг остыл капитан.

– Подсчитываем!..

Сирена замолкла. Наступила неправдоподобная тишина, в которой было слышно только пыхтение людей и скрип снега под ногами.

– Удвоить караулы! – повелел капитан.

– Караулы удвоены с вечера за счет прибывших!

«Кажется, здесь все-таки есть кто-то разумный!» – удивился Алексей.

– Потому и пострадавших сегодня в два раза больше, чем могло быть, – скорбно продолжил Шестопалов.

– Это как?! – изумился капитан.

– «Предзонник⁸ проверили еще не весь, но многие часовые мертвы. Их убили вместе с собаками.

В этот момент к Шестопалову подбежал один из охранников, тихо сказал что-то на ухо.

– Ясно! – резко ответил Шестопалов. Снова обернулся к капитану.

– У нас восемь трупов! Второй взвод! – вдруг зычно командовал он, и голос его ничуть не уступил по силе голосу капитана, – заступаем на смену! Кабыхно! Разведи по постам! Шевелись, твою налево! Товарищ капитан, господа спецназовцы, – Шестопалов обернулся к друзьям, – прошу вас, пройдемте со мной!

Алексей снова удивился выдержке лейтенанта. Пьяное на-

---

⁸ Предзонник – полоса между двумя охранными периметрами колонии

чальство, ЧП на вверенном объекте, – да не просто ЧП, а нападение непонятных тварей! – незнакомые эксперты из центра, столько всего сразу, а он только и делает, что командует, не давая ни на мгновение усомниться в его компетенции. Молодец!..

....Чтобы пройти в помещение караульной службы, надо было миновать КПП. Вохровцы и офицеры сделали это, просто приложив на мгновение руки с вшитыми под кожу чипами к датчику, Бато и Алексею пришлось предъявить дежурному охраннику документы. Дежурный смотрел мрачнее тучи, руки тряслись.

После КПП они свернули по темному коридору направо, вошли в освещенную беспощадным дневным светом комнату. Наверное, здесь охранники проходили инструктаж или учебу: на стенах висели плакаты с устройством автомата Калашникова и пулемета той же системы. В комнату через другие двери, с мороза, видимо, из предзонника вносили тела только что убитых.

– Елы-шпалы! – вырвалось у Алексея, когда он посмотрел на одно из тел, лежавшее ближе к выходу, у стены.

Тело принадлежало новому знакомому – Захару.

«Да, неплохой был пацан! – подумал Алексей. – Хотя, кто же теперь скажет, какой он был? И каким мог бы стать? Никто! Что за дерьмо – жизнь!»

Шапки на голове не было, видимо, потеряли, пока пере-

таскивали тело. В русых волосах виднелось немного крови. Лицо было искажено, а глаза плотно зажмурены. Горло было разорвано. А в комнату все продолжали и продолжали вносить тела.

– Мы собак там оставили! – сказал кто-то.

– Ясно, – ответили ему.

В происходящем было что-то ненормальное, противоестественное. Охранники из последних сил старались держаться как ни в чем не бывало, выполняя эту жуткую, страшную работу, но по отчаявшимся глазам людей, по нехорошему, прищуренному взгляду Шестопалова Алексей вдруг почувствовал, что бунт на зоне могут поднять не только зэки, бунт могут поднять и охранники, которые просто хотят жить! Не каждый может до конца выдержать такое: когда на тебя нападает неизвестно кто, когда выбор жертв необъясним и уже несовершенен непонятно, как от этого защищаться!

Роту Болтаева прислали, чтобы предотвратить или оттянуть это событие.

Ну и каша тут варится! И в сложившихся обстоятельствах пьяный капитан – не самое лучшее, что должны видеть подчиненные. И что могут сделать тут они, два спецназовца, чья основная специализация – диверсии и разведка?

Непонятно!..

– Когда закончат монтировать систему «Орхидея»? – спросил у Шестопалова Капец.

– Техники обещали послезавтра, то есть уже завтра. При-

кажу – успеют.

– «Орхидея» – это новая система охраны, – объяснил Шестопалов друзьям. – Без нашего разрешения ни одна мышь не проскочит в зону ни сверху, ни снизу. Любого на фарш порежет.

– И тогда они примутся за поселок, – тихо, но внятно сказал капитан.

– Пакуйте груз! – рявкнул он охранникам. – Одного из новобранцев – в морг, пусть Федулов его вскрыет! Доклад мне на стол до обеда вместе с данными вскрытия! – приказал он Шестопалову, повернулся к Алексею. – Давайте за мной! – и вышел, свернув в коридоре в сторону КПП.

Друзья потянулись следом. Они вышли с территории зоны, гуськом прошли вдоль забора, свернули за угол, к лесу. Следом за спецназовцами шли еще два охранника. Вдали у забора стояли машины, суетились люди.

На дороге у леса капитан вытащил пистолет, спецназовцы взяли штурмовые винтовки наизготовку. Прямо у забора в снегу виднелись огромные, трехпалые следы. На утоптанном снегу дороги они исчезали, а потом появлялись снова ближе к лесу. Капитан матюгнулся и полез по следам в сугроб первым.

Алексей щелкнул предохранителем.

– Смотри в оба! – приказал он Бато.

Друзья полезли за капитаном. Охранники остались на дороге, опасно оглядывались, в снег не лезли. Им явно хоте-

лось сбежать отсюда.

Следы тварей пропадали почти сразу же, у первых кустов. Алексей с облегчением вздохнул, всмотрелся в темноту сумрачного леса, прислушался. Тишина. Капитан потрогал следы, покачал головой, сдвинул назад ушанку. Длинно, замысловато выругался. Махнул друзьям рукой, мол, за мной! Полез дальше. Но за кустами, среди деревьев начинались настоящие сугробы, снег доходил уже до пояса, и стало ясно, что смысла лезть ночью в гущу леса нет, надо возвращаться на дорогу.

Вышли на ровное место, прошли дальше, до машин, светя фонарями по обочинам. Всего насчитали восемь цепочек следов – по одной твари на одного убитого.

Вернулись к воротам.

На улице их уже ждал все тот же «Медведь» с пулеметом на крыше, выехавший задним ходом из «предзонника». Молча сели в машину, водитель лихо развернул автомобиль на укатанном пятаке и что есть духу погнал к управе.

Светало. Сзади с легким жужжанием электромоторов закрывались ворота зоны. Почти сто человек заключенных никогда, ни при каких обстоятельствах не должны были покинуть это место.

....– Кофе! – гаркнул дежурному капитан Капец, заходя в крохотный холл управления, – мужикам, а мне – «щелбан»! Быстро!

Друзья переглянулись.

«Что такое „щелбан“?» – явственно читалось в глазах у обоих.

Оказалось, это была смесь, которой капитан хотел привести себя в чувство. От граненого стакана, который дежурный принес в кабинет на блюдечке, пахло какой-то химической гадостью, но капитан и не собирался ее нюхать, он быстро влил содержимое стакана в рот, словно в воронку, вытер губы тыльной стороной ладони. Крякнул. Алексей даже не слышал, чтобы Капец глотал. Наверное, содержимое стакана скатилось по пищеводу прямо в желудок.

«Однако!..»

Друзьям досталось по чашке черного кофе. Чашки, правда, были небольшими, а на блюдечках лежало всего по одному кусочку сахара, но Алексей был рад и этому.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан! – произнес Бато, чересчур манерно и настойчиво болтая ложечкой в чашке и глядя на капитана своими невыразительными, узкими глазами.

Капитан, по-видимому, с трудом переваривая только что выпитую смесь, кивнул.

Бато протянул ему листок.

– Это список тех, с кем мы хотели бы переговорить. Плюс еще все, кто сегодня стоял на постах и остался в живых. Что-то они должны были видеть!

Капитан пробежался по списку глазами, кивнул, глянул

на часы, висевшие над дверью кабинета. Шесть двадцать пять.

– Давайте в девять тридцать, сразу после развода. Прикажу, вам откроют кабинет, там, на первом этаже, есть красный уголок. Ясно?

– Так точно!

– Я не понял, он чего, нас кофе напоить хотел, что ли? – недоумевал на обратном пути Алексей. – Почему он экстренное совещание не собрал? Почему не доложил сразу наверх? Что ты об этом думаешь? – спросил он Бато. – И главное: на фига тут нужны мы? Тут батальон национальной гвардии нужен, плюс куча ученых мужиков в белых халатах! Еще бы – контакт с инопланетянами! С внеземным разумом!

– Ну что разум нечеловеческий, я спорить не буду, – ответил Бато, – а вот про инопланетян пока помолчу... А капитан, скорее всего, сейчас так и так доложит обо всем наверх, недаром решил своего «щелбана» дерябнуть.

– Ага.

Они почти дошли до домика.

– Ты капрала видел? – вдруг спросил Алексей, – живой он, нет?

– Капрал вчера надрался вместе с начальством, видать, его Болтаев пригласил специально, чтобы напоить как следует, поди, спит до сих пор. Вчера кто из них кого на себе принес, непонятно было, то ли майор капрала, то ли капрал – майора, – сказал Бато. – Да, командиры у наших новобран-

цев те еще... Неудивительно будет, если никто из пацанов отсюда не выберется! Шестопалов этот будет пацанами дыры затыкать, своих пожалеет. И судить его за это сложно: своя рубашка ближе к телу. Ну все, пришли! – сказал Бато и отключил аккумулятор, обесточив таким образом все электронные устройства на себе.

Алексей торопливо проделал то же самое. Они, не стовариваясь, отошли в сторонку. Алексей достал из кармана маленькую «глушилку» размером с батарейку, включил. Теперь можно было говорить спокойно, не опасаясь, что тебя кто-нибудь подслушает или что твоя собственная электроника будет за тобой шпионить – такое тоже бывало. Сплошь и рядом.

– Ну что, похоже, сливают нас, Леха! – Бато вопросительно взглянул на сержанта.

Алексей помолчал, раздумывая. Мерзла голова, и он накинул капюшон.

– Давай по порядку!

– А чего по порядку? Ну... Первое: некие твари нападают на людей. Не в тайге, не на дорогах, в поселке и в колонии. Значит, нужно им здесь что-то. Думаю, рудник, вернее, то, что в нем находится. Надо бы нам в этот рудник забраться, посмотреть. Вдруг там и не рудник вовсе? Даже если и попадем внутрь, вряд ли нам покажут все. Но все-таки представление получим, что там может, а чего там не может быть. Запрос на допуск я уже отослал.

– Дальше!

– Итак, на рудник нападают некие не-люди, нелюди, черти, бесы, мутанты. Люди погибают уже пачками. И что делают наши доблестные власти? Трубят о первом в мире контакте? Бросают сюда войска и лучшие умы? Извещают об опасности мировое сообщество?

Нет! Присылают шестьдесят «духов» и двоих вояк после госпиталя – тех, кто поближе. Где следователи, ученые, ксенологи, медики? Никого... Рудник, пьяное начальство и пятьсот километров тайги в любую сторону. Или здесь происходит какой-то чудовищный эксперимент, или рудник тихой сапой «сливают» этим краснорожим тварям. По предварительной договоренности.

Алексей хмыкнул.

– Снова теория заговора? Да еще с чертями? Бато, кончай гонять компьютерные игрушки каждую свободную минуту. Мир устроен просто.

– Не веришь? Про халифат тоже четырнадцать лет назад никто не верил. Все хотели жить и ни во что не верить, – так ведь удобно было! Все православных попов ругали. А потом что? В один прекрасный день проснулись в совсем другом государстве. Думали наши родители об этом? Не думали и не верили, и тоже все про теорию заговора шутили. Ладно, Сибирь под халифат не попала...

– Не топчись по больному! – поморщился Алексей.

– А вот как – не топчись? Что бы вы делали без нас? Союз

Свободных Сибирских Регионов сохранил все: армию, которая стояла на китайской границе, военную разведку, государственный аппарат, систему МВД, весь институт государственной безопасности! Это, между прочим, на золото, вырубленное от нашего газа и от нашей нефти, ваши повстанцы закупали оружие и подкупали генералов халифата! И это наше правительство подтянуло силы европейских союзников и сумело договориться о поставках оружия через «ОлСиб»⁹ с североамериканцами!

– Ага, ну ты дашь забыть, как же! – Алексей помолчал. – Короче, нам выжить надо и приказ выполнить, как всегда. Я сейчас Вечному стукану, расскажу, что здесь творится.

– Ты только по общему каналу не стучи, стучи по закрытому.

– В курсе, мать писала! – ответил Алексей. – Странно это все. Я тебе еще не сказал: я молнии видел как раз во время нападения. А на небе – ни облачка. Даже не молнии, а словно бы всполохи, как северное сияние, только ярче. Знаешь, я раньше вообще ни в каких чупакабр или в НЛО не верил, а теперь...

– А я и теперь не верю! Твари это какие-то местные, не иначе! – хмыкнул Бато, – давай в дом, холодно! Пожрем чего-нибудь, у меня пара бутеров есть, да я тебе несколько

---

⁹ «ОлСиб» – воздушный путь из Аляски в России, проходящий через Якутию и Сибирь. По этому пути во время Второй Мировой войны, из Америки в СССР летели самолеты, поставляемые по лендлизу

файлов покажу. Покемарить все равно не получится.

...Весь день они провели в красном уголке управы, выйдя оттуда только один раз – на обед.

Зоновский «лепила» Федулов оказался неряшливым типом со свалявшимися кудрявыми волосами. Одутловатое лицо, тонкие губы, мутные глаза, большой пивной живот. Речь у него была быстрая, с шепелявинкой. Федулов не смог добавить ничего нового к тому, что им уже было известно о первых жертвах. Да, люди были подвергнуты вивисекции и заживо зажарены каким-то электромагнитным излучением, да, анализ показал наличие на коже смеси кислотных соединений, да, все материалы и пробы отправлены в Москву, но оттуда до сих пор нет ни ответа, ни инструкций. Были ли погибшие до самого конца живыми?

– Я затрудняюсь ответить, – сказал Федулов. – Я же не патологоанатом и не судмедэксперт. Я считаю, что нельзя остаться в живых после того, как тебя выпотрошили. Человек погибнет от болевого шока и от кровопотери. Но и стопроцентной гарантии, что они уже умерли к тому времени, как их поджаривали, я не могу дать. Возможно, жизнь поддерживалась чем-то специально. Возможно. А возможно, и нет. Если говорить просто – то вот тут, – Федулов показал на правую ключицу, – и вот тут, – он ткнул пальцем в вену на руке, – у некоторых есть специфические следы, вроде бы как от укулов. Но такие метки есть не на всех телах. А чем

кололи людей и кололи ли вообще, я ответить не могу.

Новости, которые он поведал друзьям о жертвах последней ночи, ничего нового не дали – люди были мертвы, но все погибли от различных травм, нанесенных когтями и острыми зубами.

– Собак я только осматривал, но там то же самое, сто процентов! – Федулов сидел в кресле напротив друзей, прикрыв глаза и стараясь казаться спокойным, но его выдавали руки.

Когда он попросил разрешения закурить, Алексей отчетливо увидел, как трясется в прокуренных, толстых пальцах сигарета. Федулов и сам понял, что Алексей заметил это, усмехнулся.

– Да, сержант, нервы тут у всех сдают. Спиртного в поселении почти не осталось. И ладно у нас, даже в Новой Нерхе в трех километрах отсюда у местных почти все выпили! Мужики по несколько тысяч рубликов за бутылку отдать готовы! «Под шофе» караул разводят! Пусть лучше пьют, но работу делают!

– Как вы считаете, кому выгодно остановить работу рудника? – спросил Алексей.

Федулов пожал плечами.

– Откуда ж мне знать? Китаю, халифату, нашим европейским союзникам. Короче, любому, кто не хочет, чтобы федерация была сильной. Ничего не ответил на вопрос, да? Я же не политик, я же фельдшер. Кому нужно остановить работу рудника здесь? Не знаю, – Федулов пожал плечами, прику-

рил от окурка новую сигарету, окурочек вмял в вонючую пепельницу на столе.

– А капитану?

– Нет, капитану – невыгодно. У него вся жизнь – в руднике.

– А Шестопалову?

– Ну Шестопалову – тем более! – Федулов вдруг запнулся. Запинка была небольшая, крохотная, но Алексей ее все равно уловил. Уловил и запомнил.

– Хорошо... Подскажите тогда вот что: ходит тут по поселению бродяга один такой. Худой, бритый, в черной телаге. Хрипит так странно: «Хатумба, братела!» – Алексей изобразил своего нового знакомого. – Живет, говорит, возле управы.

– Хатумба? Хатумба и есть! Семен Хатумба.

– Он что, заключенный?

– Нет! Ну то есть он сидел когда-то, не исключено, что и не раз, но не здесь! У нас в колонии смертники сидят или те, у кого срок больше двадцати пяти лет. На волю не выходят. А Хатумба из местных! Вырос здесь, в поселке. Он эти места как свои пять пальцев знает. С поселка к нам и прибился. Свои его не очень любят, ну вот он у нас и околачивается. Кочегарит – отапливает общагу, дрова заготавливает для домиков. Да тут он не один из местных работает, но остальные в поселке живут, а он так здесь и пробавляется, что днем, что ночью.

– А почему – Хатумба? Фамилия, что ли?

– Да леший его знает! Служил по молодости где-то. То ли на Гаити, то ли в Зимбабве. Оттуда и нахватался всяких дурацких приветствий. А может, и врет. А фамилия у него какая-то простецкая, вроде Сидорова или Козлова. Запомывал...

На этом разговор с Федуловым закончили.

– Это вы че, вроде следаки из столицы? – с сомнением спросил охранник, которого вызвали в красный уголок следующим.

Звали его Вадим Быстрицкий. Это был жилистый тридцатипятилетний мужчина с короткими темными волосами и светлыми глазами. На лице главным был нос. Острый, с крутой переносицей, похожий на большой вороний клюв.

– Не вроде, а следователи! – уверенно пресек любые сомнения Алексей. – По особо важным делам. Усек? – Алексей повысил голос.

– Угу, – мотнул головой Быстрицкий. – один сержант, а второй рядовой. Следователи!

– Гражданин Быстрицкий! – не моргнув глазом, подыграл ему Бато. – Отвечайте на наши вопросы! Где вы были в тот момент, когда пропал охранник Сафронов?

– Я-то? – смутить охранника оказалось непросто. Он пожал плечами. – В караулке у Саньки сидел, там мониторы же, ну и увидели, че творится. Ну сразу же в ружье да туда полетели. Санек в караулке остался, ему пост покидать не по-

ложено. А я крикнул еще Поливанова и Берка.

– А Санька – это кто?

– Санька – это Парфенов, – глаза Быстрицкого вдруг потемнели. – Убили его недавно. Поймали по дороге в поселок. Пошел, чего греха таить, за водкой, любил он это дело, ну конечно, в свободное от работы время. Вот и поплатился...

– Дальше!

– А че дальше... Пока бежали, черти эти его уже уволокли.

– Почему черти? – заинтересованно спросил Бато.

– Вы их встречали? – Быстрицкий вопросительно глянул на друзей. – А! Ясно! Ну как встретите, так все поймете. Похожи они! – объяснил он, увидев непонимающие глаза «следователей». – На демонов, бесов, короче, на чертей. У нас их кто бесами, кто чертями кличет. Некоторые вон грехи по ночам замаливают, другие бухать начали. Старожилы поговаривают, что место это шаманами проклято. Мол, когда рудник открывали, с местными не договорились путем, вот ихние духи нам и мстят!

– И вы, Быстрицкий, верите в это?

Быстрицкий почесал в затылке.

– Да как сказать... Вот сижу сейчас с вами, светло, тепло, и все это такой ерундой кажется, а когда стоишь на посту, кругом тайга, а внутри зоны – сто убивцев сидят! И тишина вокруг. А в минус сорок деревья от мороза трещат и туман кругом. Тут во все, что угодно, верить начнешь. Тут некото-

рые белого шамана видели.

– Кого?..

– Шамана! А другие – шаманку. Стоишь вот так в карауле, особенно, если метель. И они – за забором, у ближайших деревьев появляются, кружат, в бубен бьют да камлают. Я не шучу, мужики! – вдруг взмолился Быстрицкий, увидев удивленные глаза Алексея. – По ночам правда всякое мерещиться начинает!

– Да верим мы тебе, – неожиданно для Алексея ответил Бато. – Бывает такое. Духи колдуют.

Быстрицкий с благодарностью взглянул на бурята.

– А кто нашел Сафронова?

– Не я. Санек его нашел. И чего он туда поперся, не знаю. Я с ним после почти не разговаривал. Не виделись.

– Какая-то массовая белая горячка с чертями! – прокомментировал Алексей, когда охранник вышел.

Бато строго взглянул на него, хотел что-то возразить, но промолчал.

....Охранники, которые стояли на вышках, а их было двенадцать человек, рассказали, что подняли тревогу, когда увидели тварей уже внутри «предзонника». Откуда они там появились, никто не видел. Нападение было коротким: существа быстро убили часовых и исчезли. Никто не заметил, как и куда они пропали.

Каждый из охранников уже написал капитану по рапорту, и все они были очень недовольны тем, что вместо того,

чтобы идти по домам отсыпаться, им приходится отвечать на вопросы непонятных московских гостей.

После бессонной ночи и пережитого некоторые были такими уставшими, что даже страха не испытывали перед возможной гибелью. И все же многие боялись. Алексей видел, как нервничают эти здоровые, физически крепкие люди, способные много часов простоять на морозе или остановить огнем из автоматов и пулеметов толпу взбунтовавшихся преступников. Как неуверенно мнут шапки, жадно курят, нервно смеются.

– Мне бы пулемет, тогда бы я жажнул по ним так, что от тварей только клочья полетели! – уверенно сказал один из них, молодой здоровяк-охранник. На вид ему было всего лет двадцать. Бритый, татуированный. Алексею он больше всего напоминал тех, кого охранял – заключенных. Алексей заглянул в список, где Бато отмечал всех, кого допрашивали. Левченко. Николай Левченко.

– А ты видел хоть одну тварь близко? – спросил Алексей.

– Нет.

– И тебя не настораживает, что все, кто их близко видел – мертвы?

– А не надо варежку разевать, – нашелся вохровец, но в его глазах Алексей заметил тень страха.

«Бравирует», – решил он.

– По-твоему получается, что все часовые у леса, раззявив варежку, считали звезды в небе? – вступил в разговор Бато. –

А сам-то? Тоже звезды считал? – спросил Бато вохровца. – Или все-таки вокруг смотрел?

Вохровец немного надменно поглядел на спецназовцев.

– Я смотрел в оба! – после некоторой заминки громко и уверенно заявил он. – На моей стороне «предзонника» никого не было!

Они отпустили Левченко. У Алексея сложилось четкое мнение, что никто из вохры даже не хотел знать, что происходило... Или боялись?

– А всполохи видели? В небе? Вроде бы молния сверкала? – снова и снова спрашивал Алексей, но ему каждый раз отвечали отрицательно.

– Никто ничего не видел, кроме тебя! – Бато наконец недоверчиво хмыкнул.

– Че? Думаешь, у меня крыша поехала? – Алексей налил себе воды из графина, отпил.

– Не знаю, – усмехнулся Бато. – Если мы найдем хотя бы одного человека, который видел твои молнии, значит, ты в своем уме!

– Ну значит, вы нашли такого человека! – вдруг раздался голос от двери.

Алексей обернулся и рукой нечаянно опрокинул стакан с водой.

В дверях стояла дочка капитана. Девушка была настолько хороша, что не верилось! Да и одета была на зависть московским модницам: в шубку из серебристо-черной лисицы

и маленькую, вязаную шапочку с ушками, расшитую жемчужом. На ногах, правда, были отделанные бисером оленье унты, которые явно не тянули на модельные сапожки, казались слишком грубыми, но что поделать, тайга не располагала к сапожкам! Из-под шапочки вились густые, каштановые волосы. Но главным все-таки были глаза. Они смотрели на спецназовцев с отрешенным олимпийским спокойствием. Это был взгляд богини. В этот момент Алексей понял, что не видел ничего, что было бы прекраснее этих синих глаз. Нет, она не была тургеневской девушкой. Но и столичной скучающей красоткой, к счастью, – тоже. В свои семнадцать – восемнадцать лет она уже привыкла к мужскому обществу, к восхищенным взглядам, но отчего-то становилось понятно, что ей это все равно.

«Однако!» – снова мелькнуло в голове у Алексея, и на этот раз это выражало крайнюю степень замешательства. Он заставил себя оторвать взгляд от ее полных губ, едва тронутых помадой.

– Я видела всполохи в небе! В окно нашего дома отлично видно крыши над колонией, – снова повторила девушка.

При звуке ее голоса Алексей торопливо отставил в сторону уже пустой стакан, стер ладонью воду, растекшуюся по полированной поверхности стола, схватил куртку, шапку, оглянулся на Бато. Вид у бурята был смущенный. Кажется, в глубине черных глаз мелькнула просьба о помощи, но помогать другу Алексей не собирался.

– Я, пожалуй, пойду, прогуляюсь! – сказал Карабанов, обращаясь к Бато. Потом оглянулся к девушке, чуток замешкался. – Расскажите моему коллеге, как все было. Он тут сегодня главный!

Бато хотел было что-то сказать сержанту, но тот, уже не обращая внимания на друга и стараясь не смотреть на девушку, быстро выскочил из красного уголка в коридор. Девушка отступила в сторону, проводила его недоуменным взглядом. Алексей почти пробежал мимо дежурного и вывалился на крыльцо, торопливо натягивая на себя куртку.

Ледяной воздух немного отрезвил его. Он несколько раз вздохнул полной грудью. Надел шерстяную шапочку, покачал головой.

– Черте че! – пробормотал он и торопливо заспешил к домику.

В этой девушке было что-то иррациональное, что заставляло его, Алексея Карабанова, признанного в отряде за первого казанову, чувствовать себя двенадцатилетним пацаном, в первый раз оставшимся один на один с первой красавицей школы. Ерунда какая-то получалась! Он постарался забыть эти синие глаза и вспомнить совсем другие, которые еще вчера смотрели на него с такой любовью и нежностью, но у него это не получилось.

...На дороге его подждал «лепила» Федулов. Когда Алексей поравнялся с ним, Федулов пошел рядом, подстра-

иваясь под быстрый шаг Алексея.

– Что-то еще хотел сказать? – спросил его Карабанов.

– Да, – медик пугливо оглянулся вокруг. – Я хотел вас предупредить, чтобы вы ни в коем случае не связывались с Хатумбой. Это он выглядит бич бичем, а так он человек опасный. Я не знаю, правду говорят или нет, но, кажется, он связан с контрабандистами. Отсюда до Китая рукой подать через горы.

– Опа! – Алексей быстро просчитал в уме все возможные варианты.

– Он с капитаном работает или с Шестопаловым? – напрямик спросил он Федулова.

Медик споткнулся на ровном месте, поотстал.

– Мое дело вас предупредить, – донесся до Алексея его голос.

Карабанов обернулся. Федулов, свернув с дороги, резво уходил вправо.

Алексей пожал плечами, посмотрел вперед и в свою очередь замедлил шаг. Навстречу ему, появившийся, словно черт из табакерки, из ниоткуда, из воздуха, вразвалочку шел Хатумба. Вроде бы и до ближайших строений было не меньше сотни метров, а вот, поди ж ты, нарисовался, не сотрешь!

– Хатумба, начальничек, – небрежно бросил он, проходя мимо Карабанова. Подмигнул, ощерился мелкими, редкими зубами, вроде как улыбнулся. Но глаза оставались настороженными, злыми. Алексей кивнул и прошел мимо.

...Бато вернулся из управления только через час и рассказал, что Татьяна видела такие же всполохи, что и Алексей.

– Значит, Татьяна? – переспросил Алексей и не удержался:

– Итак, она звалась Татьяной! – продекламировал он с выражением.

– Татьяной, – подтвердил Бато.

– Капитан тебе голову оторвет и пришьет к другому месту!

– Не оторвет, – усмехнулся бурят. – Мы же только разговаривали. Исключительно по делу.

– Ага! По делу. Исключительно. Ну-ну.

– А ты, сержант, вроде, сам неровно задышал? А? – вдруг перешел в наступление Бато.

Алексей хотел было возмутиться, да передумал.

– А как тут не задышишь? Красота какая...

– Ну и что же ты? – вдруг спросил бурят.

– Нет, Бато, в этот раз я тебе не соперник, – хмыкнул Алексей.

– Это в который раз ты мне не соперник? В первый? И с чего бы это?

– В некоторый, – отрезал Карабанов. Помолчал немного. – Рита беременна.

– О! – Бато стащил с себя шапку. – Это же здорово, Леха! Да тебя поздравить можно! Когда свадьба?

– Свадьба? Да я как не думал...

– Как не думал? Ты че, сдурел? Такая девушка!

– Девушек, Бато, много! – вздохнул Алексей. – Разве обязательно делать счастливой одну, когда можно сделать счастливыми многих?

– Ой, дурак ты, Карабанов! Ой, дура-ак! Я же видел, как Рита на тебя смотрит. Я бы и не думал даже ни мгновения...

– Ясненько! Давай к делу. Что твоя Татьяна рассказала?

– Да то же самое, что и ты, Молнии говорит, были над колонией. Стояла, смотрела, опомнилась, когда сирена завывала, – Аюшеев хотел было добавить что-то еще, но ожила рация в нагрудном кармане у Алексея. Это был Иван Кабыхно с известием о том, что они только что получили допуск в рудник.

– Быстро! – удивился Бато, услышав новость. – Ну что ж, по крайней мере, наши сообщения читают и явно на самом высоком уровне. Ох, не нравится мне все это!..

Алексей не мог с ним не согласиться.

....– А вы, ребята, реально блатные! – усмехнулся Иван Кабыхно, пропуская друзей перед собой на контрольно-пропускном пункте, где они получали временные пропуска и подписывали стандартные бланки о неразглашении, – меньше, чем за сутки допуск в рудник получить! Такого еще не бывало! Тут народ обычно неделями ждет!

Бато мрачно глянул на вохровца.

– За неделю тут теперь всякое случиться может...

Кабыхно ступешевался, промолчал.

Дежурный еще раз проверил у них документы. Под роспись выдал пропуска, покосился на винтовки.

– Положено сдать!

– Глянь там, у них допуск «Бэ-прим».

Дежурный на мгновение исчез, потом снова появился. Вид у него был кислый.

– Не дали тебе покомандовать!.. – буркнул Кабыхно, первым пройдя через турникет и открывая дверь, ведущую на территорию колонии. Друзья шагнули следом.

– Куда? – заорал им вслед в окошечко дежурный. – Камеры! Видеокамеры сдать! Снимать на территории рудника ни в коем случае! То есть категорически! Эй!

– Да тихо ты, – сконфуженно ответил Алексей, вернувшись к окошку. – Сейчас снимем.

Они открепили от касок камеры, передали дежурному и снова прошли через турникет, Кабыхно распахнул дверь. В глаза ударили лучи заходящего солнца.

....– Только ни в коем случае не кладите ничего в карманы, – наставлял Кабыхно. – Ни камешки, ни песок, ничего. Ни грамма. Найдут, сразу по этапу отправят. Еще и сюда вернут, но уже в другом качестве. Будете с вагонетками по штрекам лазать.

– Ясенько! А до сколько у вас рабочий день? – спросил Алексей Кабыхно.

– В руднике работают круглые сутки, бездельничать никому не даем, – стал было важно рассказывать Кабыхно и вдруг замолчал.

Алексей посмотрел вперед. По дороге между бараками навстречу им, сутулясь, шел Шестопалов. Лицо лейтенанта было мрачным. Сейчас он был похож на голодного волка. Кабыхно тихо выругался сквозь зубы.

– Здорово, спецназ! – почти крикнул Шестопалов, подходя к друзьям. – В гости?

– В гости, – сдержанно ответил Алексей.

– Сейчас дам вам еще одного провожатого, Кабыхно у нас больше по охране специалист, а там – другие условия.

Алексей мельком глянул на Ивана. На лице Кабыхно промелькнуло выражение крайнего неудовольствия.

– Пройдемте!

Пока шли мимо жилых барачков, Алексей смотрел вокруг во все глаза. Что же здесь было такого, что привлекло сюда этих странных чертей? И главное, где сам рудник?

В юности Алексей вдоволь налазил по заброшенным рудникам и шахтам. Если рудник не начинается горизонтальной штольней, уходящей в толщу горы, значит, он начинается вертикальной шахтой и вход в него может быть где угодно. Вот за этим зданием или за этим сараем, или вот за этим ангаром! И даже внутри него!

Бараки закончились. Слева Алексей увидел несколько низких, серых, неприметных зданий явно промышленного

назначения, а справа – несколько современных, каркасных ангаров. Алексей ожидал, что за этими ангарами будут еще дома, но позади них было только ровное, заснеженное поле, на котором вразброс виднелись бетонные прямоугольники вентиляционных шахт.

Рудник находился прямо под зоной!

«Что ж, удобно! Не надо никуда возить зэка! Сплошная экономия!» – усмехнулся Алексей, а потом опомнился.

– Э?.. А где отвалы?

За снежным полем виднелись глухие заборы, колючка и вышки с часовыми, а за забором начиналась поросшая лесом гора, голая верхушка которой была сейчас озарена розовыми лучами заходящего солнца. Отсюда, с территории колонии, открывался вид на заснеженные горные вершины за этой горой. Алексей оглянулся: поселение отсюда было видно, как на ладони. Слева вилась заснеженная река со странным названием Джугояка. А вокруг были горы, горы и ничего, кроме гор. Только над головой – синее, ясное небо.

– Шлак мы с территории колонии вывозим, – ответил Шестопалов. – Видели дорогу на тот берег реки? Ну вот, там подальше и вываливаем. Маскировка.

– А зэка вместе с шлаком не того?.. Не бегут?

– Пробовали, – ответил, как отрубил Шестопалов. – Из двух получился отличный фарш, и желающих сразу не стало. Шлак проходит специальную обработку, – пояснил он. – Оознавали их потом по ДНК. Даже чипов не осталось.

Кучка мяса. Свалили в мешок, похоронили. Причем неизвестно, чего там, в мешках, было больше – останков или пустой породы.

– Сурово! – Алексей переглянулся с Бато.

– Тут по-другому нельзя, – отрезал Шестопалов. – Им разницы нет, как погибать – от рудника или от лазерной «мясорубки», а они еще работать должны, пусть искупают вину перед обществом!

– Ясненько! – нарочито бодро сказал Алексей. – А мы вот в ваш забой идем, не помрем ненароком? Или на полшестого не повиснет?

– Не повиснет, – буркнул Шастопалов. – Тут такое дело.... Мы не знаем, отчего мрут люди. Кого тут только не было, и чего они тут только не изучали! Пробы всякие брали, магнитные излучения замеряли, радиацию – все в норме, а людидохнут.

– А какдохнут? – поинтересовался Бато, идущий позади всех.

– Да просто. Все вроде нормально, а потом кровь сворачивается: у кого медленно, у кого в один момент, и все, – ласты, считай, завернул. А на остальное – не действует. Ну там так, чтобы люди болели, какие-то симптомы появлялись у них. Нет такого. Пробовали лекарства давать для профилактики, ну вроде аспирина, не помогает. И главное, одни долго работают, а вторые – полгода не проходит, как все: здравствуй «Березовая роща»!

– А что значит «Березовая роща»? – спросил Бато.

– Кладбище вон, за забором. Там березки растут. Нигде больше не растут, а там – растут. Вот и прозвали – «Березовая роща».

– Ясненько! – снова сказал Алексей, но это прозвучало уже не так бодро.

Свернули к громадному ангару с распахнутыми воротами, возле которого стоял часовой. Он с интересом посмотрел на московских гостей, тщательно проверил документы, сверился с данными на своем планшете, кивнул, пропуская внутрь. В ангар они прошли не через ворота, предназначенные для автомобилей, а через небольшую дверь, оборудованную турникетом.

– А если там попробовать пройти? – спросил Алексей Кабыхно.

– На куски порежет, – ответил тот, подмигнув.

Алексей округлил глаза.

– Я не шучу, – усмехнулся Кабыхно. – Тут сунулся у нас один торопыга, ноги отрезало. Теперь на деревяшках ковыляет. Остальные зато стали дисциплинированными, ходят культурненько через турникет.

В ангар выходило три лифта: два грузовых и один пассажирский. Возле платформы пассажирского лифта их поджидал здоровенный, накачанный детина в черной форме охранника. Автомат Калашникова казался в руках детины детской, пластмассовой игрушкой. Алексей обратил внимание

на то, что рожок у автомата был – на сорок пять патронов.

«Это чтобы сразу кучу зэка положить!» – сообразил Алексей.

Рядом с детиной стоял директор рудника.

– Якимов! – кивнул детина спецназовцам.

Бато и Алексей посмотрели на Якимова снизу вверх.

– Карабанов! – пробасил Алексей.

– Аюшеев! – коротко произнес Бато.

– Александр Иванов, – тихо представился директор рудника.

Сержант снова обратил внимание на тофа. На директора таинственного и важного предприятия министерства атомной промышленности он был не похож. А был похож на обычного обитателя таежного поселка. В стареньких, стоптанных сапогах, пообтерханной курточке и в выношенных серых штанах. На голове красовалась заношенная заячья шапка. Впрочем, быть может, одеваться так было просто в привычке директора. Таежная жизнь не располагала к щегольству.

Поздоровались. Рукопожатие у детины было аккуратным, словно ему велели ни в коем случае не причинять вреда столичным гостям. Иванов же, наоборот, здоровался крепко, как бы стараясь утвердиться.

– Бурят? – спросил он Бато, пожимая ему руку.

Бато кивнул.

Все, кроме Шестопалова, зашли на платформу. Лейтенант

махнул друзьям рукой.

– Ну я за вас спокоен! Александр Иванович вам все покажет и расскажет. Осторожнее там, Мишенья к ним не подпускай! – последние слова были адресованы Якимову.

Якимов кивнул, нажал на кнопку, и лифт поехал вниз.

Спуск оказался долгим, перед глазами проплывали то толщи породы, то закрытые двери, ведущие, по-видимому, на подземные этажи или на выработки.

– Кто такой Мишень? – Алексей первым нарушил молчание.

Детина покосился на него, не поворачивая толстой шеи. Возможно, она у него и не поворачивалась, а просто вросла в плечи, как у волка.

– Вам лучше не знать, – небрежно ответил он.

– А что на первых этажах? – продолжал расспрашивать Алексей.

– У вас нет туда допуска, – отговорился Иванов, – там обрабатывают породу, которая содержит иванит – новый минерал, здесь обнаружено единственное месторождение на всем земном шаре.

– Иванит? – повторил Алексей, – почему не василит? Или андреит?

– Потому что открыл месторождение иркутский геолог Иван Обручев. Собственно, он десять лет назад обнаружил новое геологическое образование – небольшой кратер непонятного происхождения на склоне сопки. Образование бы-

ло около девяноста метров в диаметре, абсолютно перпендикулярное склону. Электромагнитное исследование позволило обнаружить, что под кратером находится некое огромное образование. Оно залегает на глубине в восемьсот метров и имеет сверхпроводимость. Вывод о происхождении кратера тогда так и не сделали – одни данные говорили о том, что это вулканическое образование, другие – о том, что кратер возник после падения метеорита. Против первой версии было почти полное отсутствие выделений газа из глубин, а против метеоритной версии – отсутствие метеоритного вещества на поверхности и отсутствие характерных признаков падения метеорита – форма у него, понимаете, слишком правильная была. Ровный такой конус.

Ну вот, а далее Обручев сумел найти средства и убедить власти края в необходимости провести дальнейшие изыскания. Почти шесть лет назад тут пробурили первую скважину. Нашли новый минерал. Потом опять затишье. И вот, полтора года назад иванит стали добывать в промышленных масштабах. Содержание его в породе очень низкое, всего несколько граммов на кубометр породы, залегание сложное, жилы уходят во все стороны, иногда даже закольцовываются. В общем, такого минерала еще никто не видел. Иногда попадается и чистый иванит, но его крайне мало.

– А где его применяют? – спросил Алексей.

– ВПК, – сухо уронил Иванов. – Военно-промышленный комплекс. Остальное – вам не по рангу.

– Ясненько! – сказал Алексей и сразу же снова спросил:

– Ну а как он хоть выглядит? А то сейчас спустимся, найдем самородок иванита килограммов на восемь и знать не будем, что это иванит.

– Как выглядит? – повторил Иванов. – Да как, как? Серенький такой порошок. На первый взгляд никчемный.

Лифт остановился, перед находящимися на платформе людьми оказался длинный, каменный коридор, освещенный небольшими светильниками, прикрепленными на стенах. Справа и слева находились двери. Якимов отвел в сторону решетку.

– Ну я вас покидаю! – сказал Иванов спецназовцам. – Дальше вас поведет Якимов. Если возникнут вопросы, на обратном пути милости прошу в мой кабинет! Да и вот еще – руками ничего не трогать и в карманы куски породы не совать! – снова напомнил он спецназовцам. – Подсудное дело. Грамм иванита стоит от семидесяти тысяч долларов! Но все равно сбыть не удастся. – Иванов вышел с лифта на этаж, обернулся.

– Кабыхно! Иди помоги, мне оборудование из лаборатории перетащить надо в соседний кабинет.

Кабыхно беспомощно обернулся на спецназовцев, пожал плечами, мол, ничего не поделаешь, начальство, вышел следом за Ивановым, и они ушли по коридору.

Охранник снова громыхнул решеткой, закрывая ее, нажал на кнопку, лифт поехал вниз. Через несколько этажей двери

исчезли, перед глазами друзей замелькали освещенные тоннели, пробитые в породе.

Алексей постарался собраться с мыслями. В голове крутилась стоимость иванита, с которой он никак не мог смириться.

«Это ж какие деньжищи! Значит, все эти домики с печками, старая котельная, отвалы за сопкой – все это ради маскировки! С космоса или с воздуха рудник должен выглядеть обычной зоной. Тут и вырубки леса, скорее всего, есть – тоже для авиаразведки. Недаром домики отапливают дровами!

Кто бы мог подумать, что здесь, в глухом углу, куда на машине и доехать-то можно только по зимнику, добывают ценнейший материал!»

Наконец, лифт остановился перед очередной норой, прогрызенной заключенными в толще породы. Наверху виднелась цифра «17». Тоннель был не освещен, словно заброшен. Якимов велел оставаться на платформе, отодвинул решетку, вышел в тоннель, закрыл решетку с другой стороны.

– Ждите здесь, я сейчас Мишенья уберу, – приказал он, доставая из кармана большой сверток.

Охранник ушел в темноту, включил рубильник, тоннель осветился. Источниками света служили небольшие светодиодные лампы, прикрепленные под потолком тоннеля. Света от них было мало, но все-таки достаточно, чтобы не наткаться друг на друга.

– Кто такой Мишенья? Собака? – спросил Алексей Бато.

– Бешеная белка! – пошутил Аюшеев. – Конечно, собака, не мутант же!

Но, словно опровергая его слова, до слуха друзей донеслось грозное ворчание, усиленное эхом, гуляющим по тоннелю. Ворчание это могло принадлежать только очень большому зверю. Друзья переглянулись. Лицо у Бато вытянулось.

– Собака, говоришь? – понизив голос, спросил Алексей. – Хорошая, видать, собака! А может, эта собака на зиму в спячку впадает?

– Однако!... – пробормотал Бато, машинально перехватывая штурмовую винтовку вперед.

– Но-но! – рывкнул, увидев это, появившийся перед ними Якимов. – Не нервничать, спецназ! Мишенья я запер. Не вздумайте в него стрелять. Его капитан любит! Это его личный зверь. Ему местные подарили. За Мишенья оставит здесь на веки вечные.

– Че, правда, натуральный медведь?

– Натуральнее не бывает! Капитан сам приказал его сюда запустить, чтобы зэка неповадно было здесь шариться. Между нами, капитан вообще-то надеется, что голодный медведь поймает кого-нибудь из «бесов».

– Давно ловит?

– Вторую неделю.

– Вы его кормите хоть немного? Или он у вас на подножных зэка, пардон, на подножном корме?

– Я кормлю. Но не досыта. Так, чтобы все время жрать

хотел.

– М-да... – Алексея передернуло.

Встретиться в темных тоннелях с голодным, отощавшим и от того еще более злым медведем – перспектива не из самых приятных. А ведь здесь могут быть еще и твари!

Сержант тоже вскинул штурмовую винтовку.

Якимов искоса глянул на «Нортон», крепче сжал в руках автомат, сдвинул в сторону решетку, освобождая проход.

– Не отставайте! Эти горизонты перестали разрабатывать совсем недавно, после того, как тут зэка пропадать стали, – рассказывал Якимов на ходу. – Так что держимся вместе, далеко не отходим! Фонари есть? Отлично. Сейчас еще выдам по шахтерке.

Друзья шли следом за охранником, и метров через двадцать Алексей снова услышал рычание и тяжелое дыхание большого зверя.

– Зверушка-то ваша в клетке или как? – спросил он.

– Да вот – сам смотри! – ответил Якимов и осветил фонарем: в темной камерке за толстой металлической решеткой виднелась морда зверя, который смотрел на пришедших темными, невыразительными глазками. На полу стояла уже пустая миска, медведь облизывался.

– А он маленький! – удивился Бато, – молодой совсем! Ему хоть года два-то есть?

– Ну я натурально при его рождении не присутствовал! – отрезал Якимов. – Че капитану подарили, то и выросло!

У нас он полтора года. Да и тогда, когда дарили, он уже подросший был. Может, порода у него такая. Мелкая... Да че маленький, маленький – вам и такого хватит! Давай поспорим: вы вдвоем против него одного? Только, чур, без ваших автоматов!

– А нож могу оставить? – вполне серьезно спросил Бато.

– Я пошутил, – сухо ответил Якимов. – Медведь не мой, капитанов. Хочешь с ним посоревноваться, договаривайся лично с Капецом.

– Ага, щас сбегаю, договорюсь... – сквозь зубы процедил Алексей.

Рядом с конурой, в которой томился медведь, стоял металлический шкафчик с касками и фонарями на аккумуляторах. Якимов надел каску, друзья взяли по большому, мощному фонарю.

– Там света дальше, я так понимаю, нет, – утвердительно сказал Алексей.

– Верно понимаешь, – Якимов посмотрел на него сверху вниз, махнул рукой. – За мной!

И они двинулись вглубь штольни.

– Эту штольню бурили машинами, – рассказывал Якимов, – видите, как стены обработаны? Следы такие? А боковые штреки, где жилы породы тонкие, вручную долбить приходится. Нет смысла тонны породы выворачивать ради нескольких кубометров.

Через пятьдесят метров фонари на стенах исчезли, лю-

дей обступила темнота. Шаги глухо разносились по каменной норе. Алексей обратил внимание, что для крепежа свода использовали специальные металлические конструкции, способные выдержать давление породы.

Рудник был ни на что не похож. В юности Алексей любил полазать по московской системе, по заброшенным шахтам Подмосковья и даже на Урале как-то удалось полазать по старым рудникам и пещерам, но такого странного ощущения он не испытывал. Рудник был как будто живой, он «дышал», лица Алексея то и дело касалось легкое, почти незаметное дуновение ветра, откуда-то издалека слышались шорохи, вздохи и странный шелест, как будто кто-то или что-то тихонько, стараясь оставаться незаметным, следовало параллельно пути людей по другим штрекам и штольням.

– А выходы на другие горизонты тут есть? – спросил Алексей. – Или только шахта лифта?

– Конечно, есть! – Якимов снисходительно покосился на Алексея. – Во-первых, вентиляция, во-вторых, есть еще грузовые лифты. Они выходят на верхние горизонты.

– А мы сейчас куда уходим, в какую сторону? Под гору или в сторону реки?

– Вдоль реки.

– А обвалы часто бывают?

– Бывают, – нехотя подтвердил Якимов.

– Ясненько! – бодро ответил Алексей, водя лучом фонаря по стенам коридора. По бокам стали появляться узкие,

черные штреки. Пол неожиданно пошел вниз, появилась узкоколейка. Пришлось идти гуськом. Первым топал Якимов, за ним – Алексей, замыкал шествие Бато. Алексей заметил, что друг то и дело отстает, останавливается, словно прислушиваясь, потом быстрыми шагами догоняет товарищей.

– А где именно пропадали заключенные? – наконец спросил Бато у охранника.

– Там подальше, справа, штрек есть, – ответил Якимов, – я покажу. Вроде там несколько человек пропали. Посмотрите. Но так-то там нет ничего. Забой да забой. Тупик.

– А как насчет тут ползать? – Бато посветил в ближайший штрек.

Якимов остановился, направил луч фонаря внутрь низкого штрека. Черная нора уходила вправо и вниз и напоминала известную кроличью нору. Вот только вряд ли в этой норе их ждал доброжелательный Чеширский кот! Скорее, тут могла поджидать та жуткая тварь с вывороченными назад коленками.

«Бр-р-р!»

Над норой было четко выведено светоотражающей белой краской «17-Пр 9».

«Семнадцать» – это этаж или горизонт, – прикинул Алексей, – «Пр» – явно справа, а «9» – просто номер отворота. Хотя... Как тогда нумеруют штреки уходящие вверх или вниз?»

Бато незаметно толкнул его локтем в бок.

Якимов, тяжело вздохнув, посмотрел на свою новенькую, черную форму охранника с яркими, оранжевыми нашивками. Форму пачкать не хотелось.

– Хотите – лезьте туда! Я вас здесь подожду! Да там, скорее всего, ничего нет. Тупик да и все.

– Ни фиги се провожатый выискался! – разозлился Алексей, поудобнее перехватывая «Нортон». – Может, тебе вообще лучше было наверху остаться? И безопаснее к тому же! Давай показывай! Может, там еще пара-тройка медведей бегает! Может, порешите нас здесь, а сами наверх доложите – ай-яй-яй! Глупые москвичи сами виноваты, что их утащили страшные инопланетяне!

Якимов, опешив, посмотрел на друзей. Бато занимал удобную позицию позади него, Алексей – стоял прямо перед ним, направив ствол штурмовой винтовки ему в грудь, и был готов передернуть затвор. Автомат охранника болтался за спиной. Огрызаться было невыгодно, и охранник, согнувшись в три погибели, молча полез внутрь штрека. Алексей нырнул следом.

Спецназовцы находились в более выгодном положении: защита на куртке и на штанах давала возможность ползать где угодно сколько угодно долго. Конечно, наколенники, налокотники и вставки в перчатках не были предназначены для прогулок по штрекам, но это было лучше, чем обычная форма охранника, быть может, и сшитая из грубой ткани, но абсолютно не предназначенная для передвижения ползком.

Буквально через двадцать метров штрек стал таким низким, что все трое то и дело стучались касками о шершавый потолок. Потом они проползли еще столько же, и охранник остановился.

– Ну вот, я же говорил, что тут тупик! – пропыхтел он.

Алексей отодвинул его в сторону, пролез вперед, осветил шахтеркой. Да, штрек заканчивался тупиком.

– А что, Якимов, – спросил он, – семнадцатый – самый нижний горизонт? Ниже нет?

– Нет, – ответил Якимов, и Алексей сразу понял, что охранник врет.

– А если подумать? – Алексей направил в глаза Якимову яркий свет шахтерки, прижал фонарь охранника ладонью к стене. Автомат Калашникова по-прежнему висел у Якимова за спиной. Бато, опять находившийся позади охранника, привалившись к стене, намеренно медленно вытащил нож: послышался взвизг клинка, вынимаемого из ножен. Алексей не видел, но точно знал, что Бато занялся любимым делом – чистил ножом ногти.

Якимов испугался.

– Вы, мужики, меня уже, считай, зарезали! И нож не понадобился! Меня же Шива порвет, как Мишень старую телогрейку!

– Кто такой Шива? – спросил Алексей.

– Да Шестопалов!

– А мы ему не скажем! – спокойно прозвучал сзади голос

Бато. – Камеры вы у нас сами забрали. Аппаратуры вашей шпионской здесь нет. Не хватает, видать, на весь рудник. Так что сам не стуканешь, никто не узнает! Давай колись, что там внизу?

– Да нету там ничего, – пытался отговориться Якимов, – просто еще несколько штольной и все. Кубометры породы, темнота. Оно вам надо?

– Надо! – твердо сказал Алексей. – Проведешь нас в самый низ! И давай сюда Калаш, он тебе не понадобится, пока мы рядом! Только медленно.

Охранник нехотя отдал оружие. Алексей удовлетворенно принял автомат, закинул его за спину.

– Ай, молодец! А теперь я еще вот это себе возьму, – Алексей забрал у охранника гарнитуру связи. – Вот так. Ну что, возвращаемся? Бато, давай первым, я – замыкающим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.